

3 БЕСТСЕЛЛЕРА

О сильной девушке

ТАТЬЯНА БРОДСКИХ
ЕКАТЕРИНА БОБРОВА
ЕКАТЕРИНА ДРУЖИНИНА

**Екатерина Александровна Боброва
Татьяна Бродских
Екатерина Дружинина
Сборник «3 бестселлера
о сильной девушке»
Серия «3 бестселлера»**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21998317
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

В сборник вошли книги: «Вторая жизнь» Татьяны Бродских, «Ночная фиалка» Екатерины Бобровой, «Кастинг в шизофрению» Екатерины Дружининой Серия «3 бестселлера» – это уникальные сборники популярных книг современных авторов. Серия представлена жанрами любовного фэнтези, современного и исторического любовных романов, любовной фантастики. Мы собрали самые увлекательные истории о попаданках, романтических путешествиях в космосе, любовных треугольниках и еще многие другие сюжеты, способные заинтриговать и взбудоражить воображение любого, даже самого прихотливого читателя.

Содержание

Екатерина Боброва	4
Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	40
Глава 4	58
Глава 5	77
Глава 6	95
Глава 7	114
Конец ознакомительного фрагмента.	124

3 бестселлера о сильной девушке

Екатерина Боброва
Ночная Фиалка

Глава 1

Боль от стояния на каменных плитах пола кинжалами вонзалась в колени, но поменять позу или облегчить своё состояние Дара не решалась. Рук она почти не ощущала. Верёвка грубыми узлами впилась в кожу запястий, посечённая спина нестерпимо ныло, голова кружилась, а губы запеклись от крови, но все это неважно. Важно было только одно – присутствие в гостиной замка Монресак высокой светловолосой красавицы. От неё сейчас зависела судьба девушки. Вот уже пару часов, как она личная рабыня пресветлой графини Тао-Ресак.

Пряди неровно обрезанных черных волос падали Даре на лицо, сквозь них она с трудом различала сидящую за столом графиню. В руках та держала хрустальный на тонкой ножке бокал с вином. На тёмно-красном платье ярко выделялись

волны светлых распущенных волос, алые губы кривились в капризной усмешке, а глаза застыли двумя кусочками льда.

– Милый, – протянула красавица, делая маленький глоток из бокала, – я уже устала ждать.

– Придётся, сестрёнка, – раздражённо дёрнул плечами молодой человек, сидящий на другом конце стола. Одет он был в щегольский замшевый камзол зелёного оттенка, на шее ярко-жёлтым пятном выделялся шейный платок. Маленькие усики придавали ему немного хищное выражение лица, – Наши люди в Туумене с ног сбились, выполняя заказ. Кстати, дорогая, зачем тебе это пугало? – он кивнул в сторону Дары.

– Фу, какой ты недогадливый, – графиня надула свои очаровательные губки, – смотри, – она качнула бокалом в сторону девушки, – какая упорная тварь. Ей сегодня здорово досталось. Если бы я не подлечила её, да-да, не делай такое лицо, мой дар, на кого хочу, на того и трачу, она бы давно уже без сознания валялась, и шансов выжить у неё было бы немного. И всё равно крошке порядком перепало, но, как видишь, стоит, пощады не просит, даже голову заставить её опустить не могу. Гордая..., пока, – в голосе послышалась насмешка пополам с одобрением, – Представь, какое будет удовольствие сломить такую упрямицу, заставить ползать у своих ног, – глаза графини полыхнули лихорадочным блеском. Дара невольно вздрогнула, столько обещания было в голосе хозяйки.

Ну, почему она попалась ей на глаза в весёлом доме?

Лучше бы Пёс просто прибил взбунтовавшуюся новенькую. Смерть, она же ласковая матушка для подобных горемык. Раскрыла свои нежные объятия, приняла бы её измученную душу, отгоняя боль и страдания всевластной рукой.

Нет, углядела, вмешалась. Какой такой изгиб дороги послал блистательную лэсса в заведение к тасу Фойлу?

В маске, инкогнито, графиня лишь мельком взглянула на Пса, волочащего за волосы по полу, задушено хрипящую девчонку. Увидела упрямо сжатые губы, полные решимости черные глаза, перекошенное от боли лицо мужчины и бархатным голосом поинтересовалась у хозяина: «Кто эта крошка?»

– Ах, простите, пресветлая лэсса, – Фойл склонился почти до пола, ухитряясь при этом не сводить с высокой гостыи преданного взгляда, – она не стоит вашего внимания. Новенькая, но, увы, испорченный материал.

– Раз он испорчен, значит, обойдётся мне дёшево, – пожала плечами графиня.

– Хозяин, – взвыл Пёс, понимая, что девчонка ускользает от расправы, – эта тварь мне чуть пол руки не откусила.

Они сошлись на пяти золотых и двадцати ударах плёткой. Сиятельная лэсса пожелала лично присутствовать при наказании.

Двадцать ударов, и каждый длился вечность, взрывая плоть, разрывая нежную кожу. Пёс бил в полную силу, мстя за унижение, за вред, нанесённый уважаемому клиенту, за

попытку сопротивляться наказанию, не понимая, что жертва сама выбрала этот путь, желая пройти его до конца и как можно быстрее.

Дара уже приготовилась к смерти, но, видно, чаша жизни не была ею испита до дна. Исцеляющий холод коснулся рассечённой спины, останавливая кровь, затягивая раны тоненькой кожей. Нет, полного исцеления ей не подарили, оставив боль и воспоминания о порке, но жуткие раны перестали угрожать жизни девушки.

Ярко бордовое с безвкусной золотой вышивкой и широкими разрезами платье почти не держалось на Даре, и чтобы прикрыть голую спину, ей выдали чёрный плащ.

Пару недель назад она вошла в этот дом, полная надежды обрести новую семью, с детским любопытством вглядываясь в лица обитателей, улыбаясь им чистой улыбкой незамутнённой души, а уходила в мужском плаще на израненных плечах, с окровавленной душой, в которой не осталось больше места для наивности и веры в людей. Детство осталось за порогом этого дома, обиталища изломанных судеб, развратных и похотливых страстей, дома, который по какому-то недоразумению прозвали «весёлым».

– Если тебе так хочется – развлекайся, – пожал плечами молодой человек, – только не жалуйся, когда эта тварь проткнёт тебе сердце кинжалом.

– О, не переживай, – графиня возбуждённо облизала губы, – я умею справляться с такими бунтарками. И поверь,

мои крошки не чета твоим послушным куколкам в постели, которые и стонут лишь по команде, – граф поморщился на грубую реплику сестры, но промолчал. Пресветлая Тао-Ресак встала из-за стола, и грациозно покачивая бёдрами, направилась к девушке.

В этот момент Даре истово хотелось исчезнуть, испариться, на крайний случай, стать кем-нибудь маленьким, незаметным, хотя бы пауком или мышью, только бы не ощущать на своей коже прикосновения прохладных пальцев графини.

Щеки ещё горели от ударов, которыми хозяйка щедро наградила новую рабыню за попытку побега. Руки девушке связали сразу же после того, как она выпрыгнула из кареты на полном ходу и лишь по счастливой случайности отделалась лёгким ушибом. В тот момент, стоя на коленях, с трудом сдерживая слезы от боли, Дара с ужасом понимала, что хозяйка не просто злится за неповиновение, не просто наказывает, а получает от причинения боли удовольствие. «Бежать отсюда, бежать!» – стучало в голове.

– Правда, милая? – подошедшая к ней графиня обвела большим пальцем контур губ девушки, потом цепко ухватила за подбородок и, наклонившись, шепнула на ухо: «Ты будешь меня обожать, обязательно будешь».

Живот скрутило от резкого приступа тошноты. Дара попыталась отшатнуться, но затёкшее от долгого стояния тело отказывалось повиноваться. Стало жутко и противно, и больше всего её пугала убеждённость в словах графини.

Внезапно со двора донёлся непонятный шум. Мужчина вскочил из-за стола, бросился к окну и грязно выругался.

– Скорее уходим. Похожи, твари ночи все-таки добрались и до нас. Давно говорил, что нужно избавиться от маменькиного наследства. Нет, ты вцепилась в ожерелье, словно не понимаешь, что на отрубленную голову его не оденешь.

Графиня побледнела, на секунду замерла, а потом метнулась в личные покои.

– погоди, – крикнула она, – я им его не оставлю.

Брат уже стоял около камина, поворачивая цветочное украшение на решётке. Заскрипела, отходя в сторону, часть стены, открывая чёрный зев подземного хода.

– Быстрее, – поторопил сестру граф, нервно оглядываясь на дверь, ведущую в холл. Потом не выдержал, рванул к двери и, захватив один из стульев, подпёр им ручку.

Через пару мгновений из арки, ведущей в личные покои, показалась графиня, в руках она сжимала чёрную резную шкатулку. Граф ловко зажёг факел и вместе с сестрой, не мешкая, нырнул в потайной проход. Стена вслед за ними заняла своё место, скрывая беглецов.

Дара осталась одна, лишь два полупустых бокала на столе безмолвно свидетельствовали о том, что недавно здесь кто-то был.

Девушка попыталась встать, но ноги не слушались, и она неуклюже завалилась набок. Сил совсем не осталось, и Дара решила остаться на полу, но тут на лестнице, ведущей в сто-

ловую, раздался шум схватки, чьи-то крики, а затем дверь содрогнулась от мощного удара.

«Надо где-то спрятаться», – мелькнула разумная мысль. Страх придавал девушке сил, она завожилась, силясь подняться, но успела лишь встать на колени, как дверь с громким треском распахнулась, подпирающий её стул отлетел в сторону, врезался в стену, и в столовую ворвались трое.

Дара, не делая никаких попыток пошевелиться, бесполезно пытаться обмануть смерть, заморожённо смотрела, как две тени бесшумно скользят по комнате, обнажив клинки, и скрываются в личных покоях графини.

Третью тень девушка потеряла из виду, а зря. Её рывком оторвали от пола, встряхнули, как нашкодившего котёнка, и мужской голос, растягивая гласные, произнёс: «Признавайся, гадёныш, куда делась твоя хозяйка?»

В ответ Дара лишь просипела нечто неразборчивое. Завязки плаща с силой впились в повреждённое горло.

– Молчишь? – неправильно понял её незнакомец. Голубые глаза вспыхнули от гнева, – Таблах ас тахатъ, – выругался он, отшвыривая девушку в сторону, словно испорченную вещь. Стена больно ударила в спину. Ещё не успевшие до конца зажить после исцеления раны от удара раскрылись, что-то тёплое потекло по пояснице. «Кровь», – мелькнула мысль и пропала под натиском боли.

Дара прикусила губу, чтобы не застонать. Не стоит привлекать к себе внимание детей ночи. Может ей повезёт, и они

уйдут, не став добивать полудохлого слугу? Надежды мало. Убийцы не оставляют после себе живых, со страшной жестокостью расправляясь со всем, кто встаёт у них на пути. Давно уже они терзают империю, вот уже почти век ими пугают ребятишек, но особенно страшны эти рассказы для богачей. Дети ночи охотятся за сокровищами. Сказывают, что не за всеми, а только за проклятыми, а как соберут их полностью, так и спадёт с них самих страшное проклятие.

Маски, одетые на лица теней, не позволяли Даре понять, действительно ли убийцы имеют звериные рожи или того хуже облик страшных чудовищ, но проверять, что правда, а что нет, она бы не стала даже под угрозой казни.

Вы бы решились из любопытства заглянуть в лицо смерти? Только если не желаете перед её визитом заранее подобрать новый платок старушке в подарок.

Даре не было видно, как в комнату вошли ещё четверо теней, а из личных покоев с пустыми руками вернулись двое. Но она прекрасно понимала, что добыча ускользнула от убийц, и те сейчас пребывают не в лучшем настроении. Как жаль, что их разговор ей непонятен!

– Ты уверен, что он бесполезен? – старший кивнул в сторону лежащей на полу фигуры.

– Уверен, – с презрением в голосе ответил тот, кто задавал Даре вопрос, – тварь мучает их, убивает, а они все равно её защищают. Ведьма, – он сделал рукой знак, отгоняющих злых духов.

– Я попробую его разговорить. Он последний, кто её видел и скорее всего, знает, куда она делась.

Старший подошёл к лежащему на полу пареньку. «Со- всем еще мальчишка!» – подумал, глядя на избитое лицо. Нечто похожее на жалость шевельнулось в его сердце. Корот- ким взмахом перерезал верёвки на руках, мельком отметил посиневшие запястья – давно связан, подхватил под руки, помог встать. Паренёк с насторожённой сле- дил за каж- дым его движением. От взгляда черных глаз, обрамлённых густыми ресницами, старшему вдруг стало не по себе.

– Кто тебя так? – спросил он, с трудом выговаривая чужие слова, – Она? – глупый вопрос. Чудовище в этих краях толь- ко одно – обворожительно-прекрасное белокурое создание.

Паренёк в ответ просто кивнул. Стоять ему было тяжело, и старший почти держал его на весу.

Внезапно худенькое тело дёрнулось и шагнуло вперёд, за- валиваясь носом вниз. Старший выругался, подхватил па- ренька за плечи, стараясь держать как можно аккуратнее, итак по лицу понятно, что бедняга сильно избит. Но на одном падении тот не остановился и продолжил двигаться дальше на прямых ногах, пытаясь на каждом шаге пробить головою пол.

Таким странным способом они добрались до камина. Что могло там понадобиться убогому, старший не представлял, но упорство всегда уважал. Если человек так к чему-то стре- мится, почему бы не помочь?

Пацан, дойдя до цели, покачался, собираясь с силами, и затем почти повис на каминной решётке. Тени переглянулись – представление явно затягивалось, но тут в сторону поползла часть стены, открывая проход.

Убийцам не нужно было повторять приглашение, один за другим они скрылись в темноте. Лишь последний задержался, пробурчал что-то на непонятном языке и, взвалив пацана на плечо, поспешил за остальными.

Висеть вниз головой было весьма неудобно. Ещё неудобнее в таком положении думать. «Почему он не убил меня? Не стал тратить время? Так его много и не требуется. Вжик и всё. Мне одного удара хватит».

Покачиваясь на мужском плече в такт плавным движениям убийцы, Дара словно плыла по подземному коридору, даже звук шагов едва прорывался сквозь гулкую тишину подземелья. Двигались они в полной темноте. Тени не стали зажигать свет, прекрасно обходясь без него.

Но вот вслед за ними поползла серая тень, из мрака выступили призраки стен, покрытые капельками влаги и наростами мха. Впереди раздался чей-то тонкий вскрик, тут же поглощённый тишиной. Сердце девушки испуганно сжалось, однако её носильщик не замедлил шаг, все так же уверенно идя по проходу.

Стало светлее, а затем они оказались в естественной пещере, куда уже смог пробраться лунный свет. В его серебряных лучах высветилось пышное облако светлых волос, раз-

метавшихся по серым камням, чёрный зев распахнутой шка-
тулки, изрыгнувшей из себя ворох драгоценностей. Брасле-
ты, ожерелья, серьги и кольца сплелись в один разноцветный
комок, а рядом в темной луже блестели веером рассыпанные
золотые монеты.

Ботинок убийцы опустился на сокровища, с равнодуши-
ем сминая украшения. Дара попыталась закрыть глаза, но не
смогла. Так и застыло навсегда в её памяти серое нутро пе-
щеры и окровавленная цена жизни пресветлой графини Тао-
Ресак.

Снаружи было тепло и безветренно, но девушка этого да-
же не заметила. Зубы отбивали нервный ритм в такт шагов
похитителя или спасителя? На этот вопрос у неё ответа пока
не было.

Шли недолго. Деревья лунными тенями застилали обзор,
лес из темных уголков грозил неведомой напастью, но какой
толк бояться лесных чудовищ, когда самое опасное из них
несло Дару на плече.

Впереди послышалось негромкое приветственное ржа-
ние. Усталость и боль не помешали сердцу девушки затрепетать в восхищении. Неужели она сейчас увидит знаменитых
пегасов – летающих коней, на которых передвигались ноч-
ные убийцы?

Этих чудесных созданий мечтали заполучить все знатные
семьи от Хрустального моря до Синих гор. Но ни одну, да-
же имперскую конюшню не переступало копыто крылатого

красавца. Тени тщательно оберегали пегасов от грязных рук дельцов и предпочитали умереть вместе с конём, чем оставлять его недругам.

Дару аккуратно спустили на землю, придержали, не давая свалиться, руку поставили на стремя. Девушка судорожно вцепилась в него, ощущая, как рядом кто-то шумно вздохнул, и с трудом удержала визг, когда по ногам скользнуло нечто пушистое. «Крыло!» – вовремя догадалась, рука сама потянулась потрогать, погладить, но в тот же момент земля резко ушла из-под ног, Дару за шкурку вздёрнули вверх, и она очутилась верхом на пегасе позади мужчины.

Дальше руки сами вцепились в кожаную куртку, и все равно ей потребовались все жалкие крохи оставшихся сил, чтобы не свалиться с коня, когда тот в пару взмахов рванул ввысь.

Полет продолжался несколько часов, и когда небо начало сереть на востоке, пегас пошёл на посадку.

Приземлились они на поляне, со всех сторон окружённой темным лесом. Дару сняли с коня, поставили на траву. Девушка смогла пройти пару шагов, а затем без сил рухнула на землю. Пусть убивают, пусть мучают, она не в состоянии больше сделать ни одного движения. Закоченевшее тело отказывалось повиноваться. Но тени, казалось, потеряли к ней всякий интерес.

На поляне уютно разгорелся костер. Вкусно запахло чем-то варёным.

Подойти погреться к огню Дара не решалась, так и сидела, обхватив колени руками, настороженно вглядываясь в мелькающие в отблесках пламени силуэты.

Видимо она все-таки заснула, иначе выходило, что сидевший перед ней на корточках мужчина появился прямо из воздуха. Убийца не стал открывать лица, и Дара видела только серые глаза, внимательно разглядывающие девушку.

– Держи, – ей протянули миску, от которой валил пар, а запах... Дара сглотнула моментально образовавшуюся слюну. И сама удивилась тому, как она проголодалась. Кажется, после случившегося неделю в рот ничего не возьмёт, нет же... Рука судорожно вцепилась в ложку, стремясь впихнуть в рот как можно больше еды.

Мужчина кивнул с довольным видом, встал и направился к костру. Вернулся он с жестяной кружкой. Поставил рядом с девушкой, опускаясь опять на корточки.

– Мы скоро уйдём, – видно было, что чужой язык давался ему с трудом, – ты, – ткнул пальцем в Дару, чтобы у девушки не оставалось сомнений, кого он имеет в виду, – останешься здесь. Как станет светло, пойдёшь вон туда, – и снова указующий жест, теперь в сторону высокого дерева, замершего на краю поляны, – идёшь до дороги, по ней сворачиваешь налево, – убийца на секунду задумался, затем махнул в сторону, – налево – это туда. Повтори! – потребовал он, видимо, серьёзно сомневаясь в умственных способностях своего подопечного. Дара послушно показала рукой.

– Хорошо, – удовлетворённый кивок, – к вечеру выйдешь к деревне. Найдешь таверну. Там спросишь Большого Тынга. Скажешь, что от Корявого Пня. Он тебя примет. Ему давно помощник требуется. Запомнил? Тогда доедай быстрее, нам нужно торопиться.

Девушка принялась за еду. Как резко повернулась её судьба! Ещё несколько часов назад она шла по краю пропасти, а теперь вывернула на прямую ровную дорогу.

Дети ночи, оказывается, не только убивать умели. Вывезли из замка, где никто не стал бы спасать неизвестного бедолагу; трупы они равнодушны к чужим страданиям; накормили, напоили и отправили к своему человеку – поразительная щедрость.

Хозяин таверны явно не просто знаком с тенями, но и работает на них. Учитывая «популярность» убийц в империи, занятие довольно рискованное. Дара надеялась, что Большому Тынгу сгодится не только помощник, но и помощница.

Девушка прикрыла глаза. После сытой и горячей еды еще больше клонило в сон. Мысли путались, и в мечтах она уже видела, как скопив денег на дорогу, вернётся в приют, где займётся обучением младших девочек, а в этот мир больше ни ногой. Хватит с неё приключений и «добрых» дядечек.

Кристан похлопал Дарга по шее, проверил подпругу. Конь всхрапнул и потянулся к карману за лакомством.

– Будет тебе, сладёна, – мужчина погрозил пегасу, – на перевале получишь, а пока не заработал.

Конь обиженно отвернулся, по пути боднув головой хозяйина в плечо.

– Но-но, не шали, – Кристан щёлкнул Дарга по носу.

– Командир, все готовы, – доложил Лэс, выныривая из утреннего тумана.

– Да, пора трогаться, – Кристан оглядел недовольным взглядом стремительно светлеющее небо. Задержались они сегодня... Будут теперь маячить у всех на виду, словно стая жирных ворон. Хорошо хоть до гор рукой подать, есть надежда, что никакому дураку в ранний час не придёт в голову любоваться облаками. Получить снизу подарочек, ой, как не хочется.

– А как же ритуал? – вскинулся Лэс.

Старший мысленно застонал. Нет, всем хорош помощник – умён, находчив, ответственен, да только дотошен до каждой буквы Свода Подчинения. Какой к тухмену ритуал, когда в округе только они, да убогий из замка?

– Но ведь положено на каждой остановке, – жалобно проговорил Лэс, глядя в мрачнейшее лицо старшего.

Н-да, придётся провести, иначе не отвяжется.

Кристан достал из-за пазухи висящий на шее тканевый мешочек, привычным жестом, как и сотню раз до этого, вытряхнул на ладонь священную землю из пещеры прародительницы, скороговоркой выпалил фразу пробуждения. Не глядя, серая – она же всегда серая, хотел было ссыпать землю обратно, но замер, не в силах пошевелиться.

Первой на ладони возникла белая искорка, мелькнула и пропала, но тут же появилась вновь и не одна. Золотые, зелёные, алые и голубые искры разгорались все ярче, превращая серые комочки высохшей земли в пригоршню мелких разноцветных светлячков.

Кристан с трудом отвёл взгляд от невиданного зрелища, мельком отметив застывшего в удивлении Лэса, да и остальные бойцы представляли собой скульптурную группу под названием: «Не может быть!?!» Эх, какой подарок имперским законникам они бы сделали, окажись те поблизости. Их же голыми руками брать можно было.

И лишь когда свет померк, командиру удалось сомкнуть ладонь в кулак, а затем ссыпать пробудившуюся землю обратно в мешок, подчинённые зашевелились.

– Командир, где она? – недоуменно озираясь, пробормотал Лэс. Остальные, впрочем, вели себя не лучше, вертя головами в разные стороны, пытались найти ту, на кого среагировала земля.

– В лесу искать будем? – деловито осведомился один из них.

– Зачем в лесу? – прищурился Кристан, – Сначала поближе кое-кого проверим, – и он направился к прикорнувшему в стороне пареньку.

Глава 2

Убогий спал сидя, положив голову на колени. Криво обрезанные пряди черных волос падали на лицо, закрывая глаза. Старший наклонился, убрал волосы в сторону. Парень даже не пошевелился, так вымотался бедняга или бедняжка? Тонкие черты лица терялись на фоне синяков и ссадин, губы распухли, глаза... Кристан вспомнил взгляд паренька и решительно тронул за плечо.

Даре снился родной уют, большой сад, в котором так весело играть в прятки. Она бежала по траве, торопясь скорее оказаться за широким стволом старой липы. Стоящая около сарая Юлка уже заканчивала считалку. Дара видела, как сбоку мелькнула жёлтая кофточка Лиз, скрываясь за кустом акации. Хорошее место, но сама она выбрала дальнейшее дерево и теперь спешила к нему. До него Даре оставалось совсем чуть-чуть, когда ей навстречу шагнула высокая женская фигура, закутанная с ног до головы в расшитое серебряными звездами покрывало. «Дариэлла», – разнеслось над садом, незнакомка повернула к ней голову, и девушка буквально задохнулась от страха. Лицо женщины было скрыто серым туманным облаком. Она медленно подняла руку и поманила Дару к себе.

«Нет!» – крик замер в груди, сердце забило израненной птицей.

– Эй, па-арень, проснись, – ворвался чужой голос в сон, прогоняя кошмар.

Дара открыла глаза, зябко поёжилась, обвела окруживших её мужчин мутным, непонимающим взглядом. Бешено стучащее после пережитого кошмара сердце на секунду замерло, а затем начало колошматиться с удвоенной силой. В первый момент девушка решила, что убийцы передумали оставлять её в живых. На мгновение обида даже пересилила страх. Так и знала, что не стоило им доверять! Зачем тогда спасали, кормили, показывали дорогу к деревне?

– Кто ты? – задал вопрос сероглазый, перестав трясти её за плечо.

«И что я могу ему ответить?» – подумала Дара, с тоской глядя на сидящего перед ней мужчину. Художественно просипеть собственное имя или прокивать? Навряд ли это его удовлетворит. «И стоило будить?» – злилась она, отчаянно борясь с зевотой. Решили прикончить, так лучше во сне, чтобы меньше мучилась.

Однако выводы из её молчания девушки сероглазый сделал. Кивнул кому-то за спиной, и в следующее мгновение Дару поставили на ноги, крепко придерживая за плечи.

Спокойно глядя в застывшие от ужаса глаза девушки, убийца потянулся к завязкам плаща. Дара задёргалась, затрепыхалась, силясь освободиться, куда там! Плечи словно зажали в тиски – не шевельнуться.

Сероглазый в два счета распутал узел, распахнул плащ,

прошёлся недоверчивым взглядом по платью.

– Женщина! – с какой-то странной смесью сожаления и восторга произнёс он. Дара спорить не стала, лишь раздосадовано качнула головой. Лучше бы и дальше принимали за мужчину – спокойнее было бы.

– Эсар, глянешь, что с ней? Знаю, что выложился, вытягивая Тойла, но хоть посмотри, а? – обратился сероглазый в темноту, продолжая коверкать свой язык. Какая пугающая забота! С чего бы только? Дара быстро припомнила все рассказы про детей ночи, но ни в одном из нападений не пропадали женщины. Если и пропадали, то их потом находили, правда, в мертвом виде. Похоже, версию о похищении невест придётся отбросить.

Из скопившегося на поляне утреннего тумана к девушке шагнула тень.

– Только посмотреть и смогу. На остальное, прости, командир, сил нет.

Убийца встал перед Дарой, протянул руку, не касаясь кожи, провёл ладонью вдоль тела. Девушка попыталась отшатнуться, бесполезно, держали её крепко.

– Так, – протянул Эсар, и светло-голубые глаза потемнели, – разверни-ка.

Дара даже пискнуть не успела, как очутилась прижатой к груди державшего её мужчины. Плащ оказался сброшенным на землю, открывая обнажённую спину девушки. А там... там же Пес с чувством платье рвал до самой этой..., а может

и ниже.

Сзади кто-то выругался, кажется, Эсар, а потом сероглазый произнес: «Можем не довезти».

– Я смажу спину, – Эсар говорил правильно, с еле уловимым акцентом, – остальное не так серьёзно – несколько ушибов, ссадин. Горло сильно повреждено, но исправить это мне пока не по силам.

– Значит, она не немая? – уточнил кто-то из теней.

– Нет, судя по синякам на шее, её пытались придушить, а затем прошлись по спине плеткой, но умереть не дали. Я вижу остатки исцеляющего заклинания.

– Не бойся, красавица, – Дара ощутила, как по волосам провели рукой. Интересно, где это сероглазый углядел красоту? Между синяком на левой скуле и разбитой губой справа? – сейчас мы тебя подлечим. Тимьяр, давай, к костру.

Скоро на поляне вновь заиграл огонь, жадно поглощая сухие ветки. Туман пугливо попятился, образуя круг молочно-белой стены.

Дара сидела, практически полулежа, на коленях у Тимьяра. Сил сопротивляться у нее не осталось. Она с равнодушием отнеслась к тому, что Эсар сдвинул платье, обнажая спину, и аккуратными движениями начал втирать пахучую мазь. Под эти легкие касания девушка задремала, проснувшись только, когда её укутывали в тёплый плащ и усаживали на пегаса. Затем снова провалилась в сон.

Кристан уловил движение за спиной, обернулся.

– Командир, – замялся помощник, остановившись в паре шагов – неужели, это действительно она?

– Не веришь? – сощурился старший, но обрывать подчинённого не стал. Видно же, что у парня душа не на месте.

– Как-то неожиданно, – не стал спорить Лэс, – просто мы столько искали и..., – он вздохнул, а потом заторопился, опасаясь, что ему не хватит решимости продолжить разговор, – наши вернулись ни с чем. Прочесали округу – только пару зверьков вспугнули. Это она, больше некому. Но, понимаешь, платье....., клеймо.....

– Я тоже видел и платье, и клеймо на плече, – спокойно подтвердил Кристан, – Боишься, что драгоценность, которую мы искали все эти годы, окажется простой стекляшкой?

– Да-а, – голос Лэса от волнения стал хриплым, – Неужели, она займет горный трон?

– Молод ты, – усмехнулся старший, бросая взгляд в сторону костра, – мало кто из них добровольно в веселые дома попадает. Так что не нам с тобой судить о судьбе этой несчастной. Не иначе, как сам Создатель отправил её к нам в руки. Как представляю, что последний потомок королевской семьи мог погибнуть в замке, сердце в пропасть падает. Ну, а займет она трон или нет, решать будем не мы.

– Согласен, – Лэс облизал пересохшие от волнения губы, вздохнул с облегчением. Старший, как всегда прав. Кем бы ни была эта женщина в прошлом, она – последняя из королевской династии, и их задача доставить её на родину в це-

лости и сохранности. А дальше... дальше пусть Наместник со старейшинами соображают, что делать с таким подарком судьбы.

– Сплетничаем? – рядом с ними нарисовался целитель. Кристан вопросительно изогнул бровь, – Спит, – махнул рукой в сторону девушки Эсар, – я пару капель снотворного в мазь добавил. Для неё сон – лучшее лекарство.

– Придётся будить, – посуровел Кристан, – Мы и так задержались. Возьмёшь с собой. Если что... лучше на скалы сядем, чем домой труп, вместо принцессы, – оба подчинённых вздрогнули, услышав подобное обращение, – довезём.

– Не переживай, командир. Доставим живой и отчасти невредимой. Ты не смотри, что она мелкая, да бледная. Такие сильны духом. Могу представить, как её было больно, однако жаловаться не стала. Уверен, выдержит перелёт.

– Ну, дай Создатель, – Кристан шагнул к костру, остановился перед лежащей на коленях у Тимьяра девушкой. Сон сделал её еще моложе и беззащитнее. Сколько же ей лет? Совсем ребёнок. В таком возрасте у них только одних начинают из дома выпускать, а не отправляют в весёлые дома. Много грязи скопилось в империи, много погани развелось. Собственные удовольствия стали ставиться выше любых норм, местные графы творят, что хотят, а император занят собой, не думая о стране.

Он вспомнил белобрысую бестию, из лап которой выдернули принцессу. Как долго девочка пробыла в замке? Если

хотя бы половина слухов, которые они собрали о графине, правда, то каждый день в том месте должен быть подобен аду.

Дара проснулась от холода. Колючки ледяного ветра упорно пробирались сквозь ткань тёплого плаща, неприятно вонзаясь в кожу иглами стужи. Тело затекло от неудобной позы. Она пошевелилась, но рука, обнимающая её за талию, лишь сильнее прижала к груди.

– Скоро, – донеслось сквозь завывания ветра, – ...ась... го.

Девушка повернула голову, силясь рассмотреть хоть что-нибудь. Прилетевший под капюшон порыв ветра, густо замешанный на снежной пыли, заставил нырнуть обратно и спрятать лицо на груди у державшего её мужчины. Вокруг рычала, завывала и бесилась метель, силясь сбросить девушку вниз, выдернуть из рук всадника.

Внезапно желудок резко сжало от тошноты. «Снижаемся», – с облегчением догадалась Дара. Она с трудом представляла, как бедные пегасы вообще могут летать в такую непогоду.

Ветер стих, а затем гулко застучали копыта по каменному полу, послышались оживлённые голоса и радостное фырканье уставших лошадей.

– Добрались, слава Создателю. Что-то перевал совсем разбушевался, – проговорили над ухом девушки, а затем руки исчезли с её талии, чтобы через мгновение ловко схватить под мышки и спустить Дару вниз прямо в объятия серогла-

зого.

– Добро пожаловать в наш ледяной приют, – голос серо-глазого был жутко довольным, – меня зовут Кристан, сюда тебя доставил и не уронил по дороге Эсар, он же наш врачеватель. Остальных представлю позже. Идём.

Аккуратно придерживая пошатывающуюся от слабости Дару, он отвёл её в центр пещеры, где уже разжигали костёр.

Видно было, что дети ночи здесь бывают часто. Вдоль почти хрустальных, покрытых толстым слоем льда стен стояли связки дров и хвороста, виднелись ящики с припасами и пузатые бочонки.

Дару усадили на покрытое шкурой возвышение, ноги укутали попоной, а на плечи набросили ещё один плащ. Возражать девушка не стала – в пещере царил лютый холод. Тёплый воздух белым облачком вырывался изо рта, оседая инеем на ресницах и бровях. Зато здесь не было пронизывающего ветра, плюющего в лицо колючий снег.

Оставив девушку около разгорающегося костра, мужчины занялись пегасами. Расседлали, счистили налипший снег и лёд, насухо вытерли шкуры, дали корма и лишь после этого вернулись к обустройству стоянки и приготовлению еды.

Полумрак пещеры разукрасился красноватыми отблесками огня, стало теплее и уютнее. Дара потянула к костру озябшие руки.

– Замёрзла? – сбоку подсел высокий темноволосый парень с открытым добродушным лицом и тёплым взглядом

карих глаз, – я – Тимьяр. Потерпи, сейчас чай вскипятим, вмиг согреешься.

Первая мысль была: «Ой, это же на его коленях я лежала с голой спиной». Вспыхнувшим от смущения щёкам требовался уже лёд, а не горячий чай, и только затем она осознала царапнувшую душу странность – убийца был без маски. Сердце сжалось одновременно от ужаса и от абсолютно нелогичного восторга. Дети ночи никому не открывают лиц, даже тем, кто видит их в последний раз. Тогда зачем? Почему такая честь? И стоит ли ею гордиться? Увы, сипящие звуки, издаваемые её горлом трудно расшифровать в вопросы.

Страх, промелькнувший в глазах Дары, Тимьяр воспринял на свой счёт, вздохнул и пересел подальше.

Дети ночи оказались обычными людьми, никаких видимых следов проклятий, страшных рож или звериных глаз, и девушка вздохнула с облегчением, хотя в тайне для самой себя уже начала привыкать к мысли, что она попала в лапы к проклятым чудовищам.

Все мужчины были довольно высокими, не чета низкорослым жителям империи.

Тем временем убийцы старательно делали вид, что ничего странного не происходит, как будто каждый раз после налёта возвращались с живой добычей, однако Дара время от времени ловила на себе заинтересованно изучающие взгляды, а на каждое её движение оборачивались хором.

Всего в отряде насчитывалось семь человек. Старший

Кристан, его помощник Лэс, целитель Эсар, Тимьяр, рыжеволосый Лукх, и два блондина Тойл и Рубан. Дара легко запомнила их имена. У нее всегда была хорошая память. И вот сейчас мелкие детали, подмеченные ею при свете костра, постепенно складывались в общую картину. Загорелая кожа, высокие скулы, непривычный разрез глаз, у четверых смолянисто-черные волосы и странные прически – обрезанные спереди волосы и заплетенные в тонкую короткую косичку сзади. Остальные трое стриглись коротко, так как было принято в империи.

Между собой дети ночи разговаривали на своём языке, часто заменяя слова быстрыми жестами. Интересно, откуда они? Явно родом не из империи, да и акцент у них смешной – растягивают гласные в словах, словно мяукают.

Наблюдая за мужчинами, Дара невольно выделяла одного – сероглазого. Подсознательно она тянулась к тому, кто вытащил её из замка. Девушка была уверена – решение забрать с собой, принимал тоже он. Она пока не понимала, хорошо это или плохо, оказаться в руках детей ночи, но надежда крепла с каждым часом – здесь её никто не обидит.

Вскоре по пещере разнёсся умопомрачительный запах мясной похлёбки.

И кто утверждает, что мужчины не умеют готовить? Дара и сама не заметила, как миска опустела.

Как же это здорово, после пронизывающего холода обнять ладонями горячую кружку с чаем, вдохнуть терпкий аромат

трав и просто сидеть, бездумно смотря в огонь. Костер словно сжигает страхи, и дети ночи перестают восприниматься, как безжалостные убийцы, вот уже улыбаешься, принимая добавку, и не вздрагиваешь, когда чужая рука, затянутая в чёрную перчатку касается твоих пальцев. И даже Эсар не пугает, когда с грозным видом требует выпить отвратительно горькое лекарство, подумавшись... всего лишь лекарь, и как-то забывается, что день назад он, как и все в отряде, отправлял души на тот свет.

Даре было тепло и уютно. Спина практически не болела, горячий чай обратил холод в бегство, даже ноги, промёрзшие в тонких ботинках, согрелись под попоной.

«Мы здесь до утра, – пояснил Кристан, – как раз буран стихнет. По эту сторону перевала он ещё тихий, а вот там буйствует по-настоящему». И Дара верила, представляя, как завывает ветер, стремясь свернуть непокорные скалы, как призывает на помощь метель, и горе тому, кто окажется в этот момент в горах без укрытия.

После еды мужчины стали укладываться на отдых. Постепенно у костра замерли разговоры. Тяжёлая ночь и не менее трудный перелёт вымотали всех, а вот Даре спать не хотелось.

Тишина оказалась плохой подругой. В голове возникали странные мысли, одна хуже другой, незаметно подкрались воспоминания, коварная память подкидывала картины прошлого. Сердце в ответ заболело, заныло, и даже костер боль-

ше не помогал, сочувственно мигая прогоревшими углями. Даре стало неуютно. Сгустившаяся темнота ожила затаёнными страхами, скрывая, казалось, под своим покровом неотрывные взгляды убийц. «Я словно редкий зверь, попавший в сети ловчих», – с грустью подумала девушка, вставая с места. Остаться у костра больше не было сил.

Дара прошла к выходу, хотела выглянуть – стих ли буран, но по пути нечто более интересное привлекло её внимание.

Огромные черные кони спали, шумно посапывая во сне. Кто-то сложил крылья на спине, кто-то, выправив пушистое крыло, прятал под него голову. А вокруг искрило и переливалось ледяное царство, отражая мириадами искр огненные всполохи костра. Огромные ледяные сосульки нависли над входом. Часть из них была обломана, крошечком валяясь на полу. Покрытые льдом стены пещеры, казалось, таили в себе несметные богатства.

Но настоящее живое сокровище сейчас сладко вздыхало, отдыхая после тяжёлого перелёта. Дара замерла, с восторгом рассматривая крылатых красавцев – само воплощение силы и грации.

Шаг, еще шаг, ближе и ближе она подходила к пегасам.
– Хочешь его покормить? – раздавшийся за спиной голос, заставил девушку резко дёрнуться от неожиданности. И как только у них получается так неслышно подкрадываться? Ещё парочка вот таких вопросов, и сердце у неё разорвётся

от страха.

– Держи, – в руку девушки вложили кусочек сахара. – Это Дарг, – Кристан ласково провёл по морде мигом проснувшегося коня, – он большой сладкоежка, но сегодня честно заработал угощение.

Сладкоежка вздохнул, мол, сколько можно болтать, и потянулся к руке девушки. Дара улыбнулась, раскрыла ладонь, тёплые губы аккуратно схватили лакомство. Пегас хрустнул сахаром, заглотил и вопросительно уставился на стоящих рядом с ним людей: «Может, ещё чем угостите?»

– Хватит, обжора, – усмехнулся Кристан и замер от удивления. Лицо Дары внезапно искривила странная гримаса, она шагнула вперёд и, уткнувшись лицом в шею коня, разрыдалась. Нет, плакала почти беззвучно, но вздрагивающие плечи, судорожно вцепившиеся в гриву пальцы...

В первый момент командир растерялся. Затем погрозил Даргу, чтобы тот не вздумал дёргаться, ещё испугает. Пегас и не собирался вырываться из вцепившихся в него женских рук, он так и застыл с выражением ужаса и полнейшего недоумения на морде.

Нет, кровь врагов на копытах – дело привычное, хрипы умирающих – частое явление, а вот слезы, текущие по шее, попеременно с э-э-э соплями и жалостные всхлипывания – нечто совершенно новенькое. И как с этим сражаться, да и нужно ли, если хозяин со зверской рожей грозит увесистым кулаком? Но он же боевой конь, а тут.... тьфу...

Дара сама не ожидала, что мягкое прикосновение к ладони вызовет такой порыв щемящей жалости в душе. Дрогнуло сердце, заныло, а потом слезы потекли сами собой, высвобождая скопившуюся боль. Она так долго сдерживалась, что сейчас рыдания прорвались безудержным потоком, сжимая горло болезненными спазмами. И заново ожили картины прошлого. Только на этот раз омытые слезами, они не были такими мучительными.

Тот день, когда тас Фойл появился в приюте, Дара по праву считала самым счастливым в своей жизни. Ведь такой обходительный тас в дорогом костюме с целым набором рекомендательных писем выбрал именно её, Дару, в компаньонки к своей больной дочери.

«Дарушка, – прощаясь, сказала матушка, – я бы, конечно, хотела оставить тебя здесь в приюте. Из тебя вышла бы замечательная наставница для младших девочек, но ты – моя любимая ученица и достойна лучшей судьбы. Милая, помни, в жизни всему бывает своё время. Когда и поплачешь, когда улыбнёшься. Главное, верь в лучшее».

И Дара старалась верить, даже когда в душе зародились первые подозрения, и выяснилось, что конечный пункт прибытия корабля совсем не тот, который тас Фойл указал для связи с Дарой. Не обращала внимания и на подробные расспросы о ней, о её увлечениях, почти экзамены на знания истории, владение письменностью, счётом. Не осознавала, что хозяин уже тогда подбирал ключик к рабыне – согнуть, но

не сломать.

Лишь когда переступила порог весёлого дома – закаменело сердце, отгородилась душа от происходящего, и ни единой слезинки не упало из глаз. И когда клеймо ставили, не порадовала Пса мольбами и рыданиями. Четыре раза сбегала – ловили, запирали и пуще прежнего следили за каждым шагом. Лишь однажды дрогнуло сердце, когда случайно услышала брошенную Псом фразу: «Жалко новенькую. Загубит ведь или покалечит». И холодный ответ хозяина: «Он заплатил столько, что покроет все убытки».

Удивительно тёплый вечер царил тогда в городе, но, несмотря на жару, Дару трясло от холода. Девушку одели в вызывающе открытое платье, заплели черные волосы в сложную косу, нацепили дешёвые яркие украшения. В комнату для встреч разрешили взять лишь статуэтку Создателя – подарок матушки и то, наверное, потому что та по цвету вписывалась в интерьер.

Старика с водянистыми глазами она почти не запомнила. Память дальше отказывалась служить хозяйке, выдавая лишь смазанные картины.

Сильные руки держат за плечи, жёлтые зубы кривятся в ухмылке, аромат дорогого парфюма не перебивает тошнотворный запах изо рта. Её собственный крик звучит слабой поддержкой. Старик довольно щурится, не думая выпускать трепыхающуюся жертву. А вот плевков в лицо выводит его из себя. Пальцы вцепляются в горло девушки, сдавливая, ли-

шая доступа воздуха. Дара ещё борется, руки сами нащупывают стоящую у кровати статуэтку, взмах, удар, и долгожданный воздух врывается в лёгкие. Старик отшатывается, закрывает голову руками, сквозь пальцы хлещет кровь.

Дверь, коридор и недоуменный взгляд Пса, который мгновенно сменяется злостью, стоит ему поймать вид пошатывающегося старика за спиной у девушки. Ноги Дары, кажется, приросли на месте, так медленно они начинают двигаться. «Прочь. Прочь» – стучит в голове.

Рывок за плечо, Пес оказывается быстрее, второй рукой он вцепляется в косу, разворачивая к себе лицом.

Изогнуть голову, вцепиться зубами в чужую плоть, ощутить вкус крови во рту, услышать удивлённый возглас, громкие проклятия и... приготовиться к смерти.

Пес опытный, добычу не выпустил, лишь крепче намотал косу на руку, вытаскивая пораненной рукой кинжал из ножен.

Блеск лезвия, странная лёгкость на голове и обрезанные пряди, падающие на лицо. И тут же снова боль.

Пёс крепко хватает за волосы, заставляя опрокинуть голову назад. Удар, еще удар и вкус крови во рту, на этот раз собственной.

Рывок, она падает назад, но Пса это не останавливает, он тащит её по коридору к хозяину, для вынесения приговора – смерть или продажа в портовые кабаки – та же смерть, только мучительно долгая...

И надменный женский голос: «Кто она?» Дальше завеса боли, погрузившая сознание во тьму, холод исцеления, мужской плащ, прикрывший спину, чужая карета, изучающий взгляд незнакомки, от которого желудок пронзает тошнота.

Тело среагировало само, открывая дверцу и выпрыгивая во тьму.

Падение, боль, чьи-то руки, поднимающие с земли. Насмешливый голос: «Упорная. Люблю таких». Верёвка, врезающаяся в кожу запястий, каменный пол под коленями и бесконечная усталость... Сил не осталось ни на гордость, ни на страх.

Первое чудовище – всегда самое страшное, ну а двадцатое?

Потому и убийцы, ворвавшиеся в замок вызвали лишь краткий всплеск ужаса, сменившийся все той же безразличностью. И только мысль, что таким, как хозяйка нет места на свете, придала сил открыть потайной ход детям ночи.

За спиной было подозрительно тихо. Никто не возмущался, не лез с утешениями, лишь по гладкой шкуре пегаса периодически пробегала нервная дрожь, но сам он стоял смирно, не делая попыток отодвинуться.

Дара вздохнула, подняла голову. Провела рукой по шкуре, прошептала про себя: «Прости». Ей в ответ укоризненно фыркнули. Пегас изогнул шею, взглянул на девушку своими большими умными глазами, легонько боднул в лицо, мол, совсем расклеилась, разве так можно?

Дара невольно улыбнулась, обняла морду руками, не удержалась, поцеловала. Пегас вздрогнул, покосился куда-то за спину девушки, по-человечески тяжело вздохнул.

«Прости, прости, – беззвучно зашептала Дара, – знаю, ты – большой мальчик. Это я – глупая, лезу со своими нежностями».

На душе у неё было пусто и удивительно спокойно. Прошлое не исчезло, нет, оно ушло из настоящего, став всего лишь плохим воспоминанием.

Внезапно пегас встревоженно всхрапнул и, толкнув девушку крылом, загородил от выхода из пещеры. Остальные кони спешно перестраивались, окружая Дару тесным кольцом. Чье-то яростное рычание заставило девушку похолодеть от ужаса, вцепиться руками в гриву Дарга. Чем заняты дети ночи она не видела, как и того, кто издавал страшные звуки, волнами прокатывающимися по пещере: от злобного низкого рыка до пронзительного, бьющего по ушам визга. Даре уже казалось, что целая армия чудовищ атакует их отряд, когда визг, добравшись до высокой ноты, резко оборвался. А затем полный ярости стон наполнил пещеру, захрапели кони, попятились назад, увлекая за собой. Стон перешел в надрывный хрип, а затем воцарилась тишина.

Пегасы расступились, как ни в чем не бывало, возвращаясь к прерванному сну.

– Испугалась, – сероглазый стоял в центре пещеры, руки сложены на груди, вид насмешливый и одновременно встре-

воженный. Дара шмыгнула носом, кивнула и лишь потом осознала, что вопроса и не было, – хочешь посмотреть, кто почтил нас своим присутствием?

Кристан протянул руку, девушка шагнула к нему.

– Кажется лэссе требуется платок, – в протянутой руке неизвестно как появился белый лоскуток ткани. Дара даже усомнилась, не маг ли сероглазый, но потом решила, что всему виной ловкость рук, а платок действительно был нужен.

Выйдя из-за пегасов девушка, наконец, смогла разглядеть нападавшего – груда желто-белого меха почти полностью перекрывала выход из пещеры.

– Мы называем их Йорфи. Обычно они живут выше этих мест, но этого малого, похоже, что-то выгнало из норы. В такой-то буран, бедняга, – Кристан любовно провел рукой по свалявшемуся меху, с трудом приподнял голову, вытащил из шеи кинжал. – Правда, красавец?

Матушка всегда говорила, что красоту можно увидеть в любом творении Создателя, каким бы отвратительным оно не было на первый взгляд.

И Дара честно старалась.

Густой желтовато-белый мех, в бурых потеках крови, огромные черные когти на кончиках лап, вцепившиеся в пол, стеклянно-голубые глаза, в одном чернеет рукоять метательного кинжала, маленькие ушки со смешными кисточками по краям, вытянутая морда с черным носом, длинный розовый язык, вываленный на пол, и желтые клыки, каждый разме-

ром с ладонь Дары. Белая смерть среди белых снегов. Можно ли ею восхищаться? Если сам умеешь убивать, всегда оценишь искусство другого.

Подошел Тимьяр, наклонился и потянулся к рукоятке кинжала, торчащей из глаза зверюги, но замер, бросил на девушку задумчивый взгляд и убрал руку. Вместо этого приподнял тяжеленую лапу, нырнул под неё, пытаясь разыскать ещё один кинжал.

– Здоровый, – пожаловался он, почти целиком скрывшись под тушей, – с одного удара и не завалишь, а в ближний бой подпускать – верная смерть.

Глава 3

Даре всегда нравилось вставать рано, когда утренний воздух пьянит своей свежестью и прохладой, когда весело гомонят птицы еще не уставшие от полуденной жары, когда особенно четко видны горы в лучах восходящего солнца, а внизу мягким одеялом расстилается туман.

Она стояла на балконе, всматриваясь в лежащую у её ног долину. Удивительно, как быстро промелькнули эти четыре месяца, словно и не было кошмарных двух недель в веселом доме, обворожительно гадкой графини и страшных убийств. Прежняя жизнь осталась глубоко в недрах памяти, не беспокоя даже ночными кошмарами.

Резкий крик оповестил небеса, что на охоту вышел пернатый хищник. Девушка проводила взглядом стремительный силуэт и заторопилась в комнату. До прихода наставника Лиграна следовало закончить перевод еще одной страницы книги. Арганский язык давался ей легко, хоть и звучал непривычно – жители гор протяжно выговаривали гласные, словно привыкли перекрикиваться друг с другом, стоя по разные стороны от ущелья. А может, так оно и было.

Дара открыла книгу, поморщилась, опять история. Как будто нельзя для перевода дать что-нибудь интересное или легкое, например, сказания морского народа, описание путешествия быстрогоног Ташла. Но мечты, мечтами, а пере-

вод нужно делать. Наставник, конечно, ничего не скажет, если она не справится, но взгляд... Умел тас Лигран так заглянуть в душу, что хотелось вывернуться наизнанку, лишь бы ему угодить. Хороший учитель ей попался, что и говорить. А как он рассказывал! Словно словами рисовал по воздуху, и прошлое оживало яркими картинами.

Дара вчиталась в текст, аккуратно выписывая непонятные слова. «Арганцы вышли их пещер», – гласил первая строчка. Девушка подчеркнула сложное слово «прародительница». А непослушные мысли опять убежали прочь от книги. Ей вспомнились первые дни в горном королевстве.

Наместник, правящий арганцами, отбыл с дружеским визитом и собирался вернуться из поездки к берегам далёкого Среднеморского континента месяцев через четыре-пять. В его отсутствии девушку принял сиятельный тас Нурсах – один из девяти советников.

Высокий темноволосый мужчина выглядел довольно молодым, но глаза выдавали длинный жизненный путь.

После взаимных приветствий, последовали аккуратные расспросы о прежней жизни Дары. Удовлетворив своё любопытство, Нурсах извинился за то, что не может сразу решить судьбу гости.

– Понимаете, – проговорил он, огорчённо вздыхая, – клятву подданства принимает только Наместник.

– А если я не хочу принимать подданство? – осторожно уточнила Дара, – если попрошу вернуть меня домой?

– Дариэлла, – здесь почему-то её все называли именно так, – вы, конечно, можете просить все, что угодно. Ваша помощь достойна любой награды, но я бы не советовал торопиться с возвращением. Давайте дождёмся наместника, и тогда вы окончательно все решите, хорошо? А пока поживёте здесь в малом гостевом дворце. Чтобы вы не скучали, я распоряжусь предоставить вам учителей. Изучите наш язык. Можете заняться, чем пожелаете – танцы, живопись, пение.

Дара улыбнулась – её явно заманивали и таким красивым пряником, вот только не окажется ли начинка горькой?

– И все же, я настаиваю.

– Милая, – тас недовольно покачал головой, – упорство и упрямство – разные вещи. Я понимаю, вам дорог уютный проведённый там детством. Вы не стали рассказывать, что заставило вас оставить его стены, но у меня нет уверенности, что подобное не повторится.

– У меня есть, – Дара задрала подбородок. Она не сомневалась, больше никто на свете не выманит её обманом из приюта.

– Неужели? – брови таса изобразили крайнюю степень недоверия, и неожиданно со слезами в голосе он произнес, – любезнейшая Дариэлла, моей милой, больной матушке, требуется ваша помощь. Нет, нет, не спорьте, ей подойдёте только вы. Ваше терпение, образованность, начитанность помогут ей скрасить одинокую старость. Прошу, не отказывайтесь.

– Вы знали, – скривившись, произнесла Дара.

– Под покровом ночи становятся известны многие дела, – дипломатично отозвался тас, – поверьте, здесь вас не обидят. Мы умеем ценить помощь, оказанную вовремя и бескорыстно. Не сейчас, так потом, вам обязательно захочется чего-нибудь особенного, тогда и вернёмся к разговору о награде. Пока же отдыхайте, набирайтесь сил. Мне было приятно познакомиться с такой очаровательной лэссой, – он широко улыбнулся.

Дару разместили в четырёх комнатах – непривычная роскошь. В приюте даже старшие девочки делили одну комнату на троих. А тут личная столовая, спальня, гостиная и даже кабинет для занятий. Первое время она чувствовала себя крайне неловко, но ровное отношение слуг, дружеская поддержка наставника, а главное возможность передавать весточки матери настоятельнице в приют, сделали своё дело – девушка начала привыкать к новой жизни в Аргании. И все же ей было крайне любопытно, что же такого ценного уносила с собой графиня, что помощь Дары оценили так высоко? Впрочем, ответ на этот вопрос она получила на первом же занятии.

Тас Лигран начал с рассказа о своей стране.

Аргания располагалась в уютной горной долине с трёх сторон защищённой Джуйским и Лесорскими хребтами. Четвертая сторона обрывалась отвесной скалой с потрясающим видом на Среднее море и зелёную прибрежную полосу.

Появившись в долине, арганцы не стали селиться в ней, а построили свои города на скалах – изумительно изящные, просторные и уютные. Умели горцы заставить камень становиться послушным, словно глина. Пять городов, каждый – жемчужина в короне Арганского королевства.

Внизу жили пастухи с семьями, присматривающие за многочисленными стадами коров, овец и коз. Но лучшие пастбища принадлежали пегасам. Пегасы были для этих людей всем, от верных боевых товарищей до членов семьи, которым безбоязненно доверяли детей.

Особенно красиво здесь было на закате, когда воздух в долине, казалось, оживал от шума крыльев, возвращающихся домой коней. Вся жизнь арганцев была связана с этими удивительными животными, и те платили им преданной любовью. Здесь на совершеннолетие дарили жеребёнка, и не было веселей подарка в жизни юноши или девушки.

Границы Аргании так же простирались вниз, на побережье, а оттуда на два близлежащих острова. На них кроме торговых портов и пары рыболовецких деревень стояли мощные крепости с военными гарнизонами. Здесь же, в гаванях располагалась половина флота Аргании, остальные корабли охраняли главный порт – Белый город.

Спустившись из долины, арганцы обнаружили широкую прибрежную полосу, ограниченную с двух сторон горными хребтами. Земля была плодородной, воды – богаты рыбой, но как оказалось, этот кусок суши требовал надёжной защи-

ты.

Пережив четыре нападения пиратов, арганцы построили почти идеальную линию обороны. С двух сторон береговую полосу защищали каменные крепости, оснащённые пушками. Полоса рифов, идущая вдоль берега, создавала естественную защиту от высадки неприятеля. Рифы тянулись вдоль побережья вплоть до островов. Между островами и пролегал единственный безопасный путь в Арганию. Любая попытка зайти с другой стороны расценивалась, как нападение. И кроме ядер из пушек на нарушителя обрушивалась воздушная кавалерия. Арганцы одни из первых поддерживали изобретение пороха, оснастив прибрежные гарнизоны пушками, а их защитников ружьями. В остальном мире дороговизна ружей пока останавливала правителей от закупок их в больших количествах.

На дальнем острове Шук-лостр торговые корабли проходил первый досмотр. Здесь же выносилось решение о допуске во внутренние воды. Новички, как правило, вынуждены были выгружать весь товар в первом же порту, без всякой надежды получить за него хорошую цену. Но те, кому везло получить допуск в Белый город, покрывали убытки в несколько раз. Только там можно было купить знаменитые арганские клинки, тончайшее овечье сукно, ароматные, вызревшие в глубоких холодные пещерах сыры, горьковатые зерна кофе, за которые знать платила золотой монетой, но главным товаром оставались драгоценные камни и ювелирные изделия.

Об арганских украшениях мечтала любая женщина, и лишь немногие могли себе позволить их купить.

Побережье было единственным местом, где разрешалось селиться чужакам или открывать торговые лавки. Доступ в горную долину имели только арганцы и те, кто получил подданство королевства. Как, усмехнувшись, сказал тас Лигран: «Наше подданство стоит так дорого, что за последние сто лет его смогли получить лишь пятеро, и то бесплатно». И было непонятно, шутит он или говорит всерьёз.

Слушая рассказы наставника, Дара невольно сравнивала империю и королевство и не могла не признать, что арганцы во многом опережают своего загорного соседа. И все начиналось, казалось бы, с мелочей. Например, забота о пегасах. Чтобы облегчить их труд, грузы с долины и с побережья поднимались и спускались на специально созданных механических платформах, приводимых в действие сменной командой выносливых осликов. И даже породы пегасов арганцы вывели три – каждая для своего рода занятия. Боевые – способные не только ударом копыта раскроить череп врага, но и вынести раненного хозяина из боя. Ла-пегасы – дружелюбные, преданные создания, на спинах которых вырастало не одно поколение семьи, и последние – тяжеловозы. Выносливые, с широкими спинами и мощными крыльями. Именно они заменяли транспорт в горах, возя продукты, инструменты и одежду на прииски, взамен принося горючие камни и металлы. И летали они без хозяина, прекрасно запоминая

несколько маршрутов.

— Ты, верно, хочешь знать, что делали арганцы в том замке? — наставник сам начал этот разговор, и Дара в который раз подивилась его проницательности, — Что же, секрета здесь нет. Всё произошло около ста лет тому назад. Вашей страной тогда правил светлейший тас Лиашанг. Он был умён, честолюбив и с детства болел лошадьми, а когда увидел пегасов — задумал сделать из арганцев союзников. Мы изредка наведывались по ту сторону гор, низина нас особо не привлекала. Трудный путь сквозь горы, высокий перевал, да и торговля не приносила выгоду.

Император же намеревался подписать с нами договор об оказании взаимной военной помощи, рассчитывая заполучить целый отряд арганцев с пегасами для степного дозора, уж больно ему досаждали быстрые, как ветер, и прожорливые, как тучи саранчи, степняки. Кроме того его интересовал наш флот, могущий при надобности обогнуть континент за неделю.

Ты знаешь, что такое политический союз? Знаешь! Хорошо.

Император не был женат, а юная принцесса Араэлла как раз расцвела к тому времени. Долго правитель Аргании не соглашался на этот брак, но Лиашанг под видом секретаря посольства обманом проник в наши земли. Тогда мы еще пускали сюда чужаков. И как не следили за гостями, а упустили их встречу. Правду говорят, что судьба — девица упря-

мая, если задумала свести два сердца, ни перед чем не остановится. Погоревал отец, но любимой дочке отказывать не стал, да и сердцу не прикажешь.

И вот одним утром свадебный кортеж с принцессой вылетел в горы. Они переночевали в пещере Тин-Дага и... больше их в живых никто не видел.

Дара охнула, прижав ладони к щёкам. Воображение живо нарисовало: скалы, покрытые пятнами крови, хрипы лошадей, распростёртые крылья, изломанные фигуры людей и белое платье невесты.

Наставник помолчал, а затем ровным голосом продолжил, лишь только заблестевшие глаза выдавали его состояние.

– Они попали в засаду. Живым не ушёл никто.

– А принцесса? – не утерпев, перебила Дара.

– Пропала. Её судьба осталась неизвестна. Вместе с ней исчезли все драгоценности из приданого. Это было не просто ограбление, это был плевок в лицо Аргании.

– А что император? – тихо спросила девушка.

– Знаешь, – тас Лигран откинулся на спинку кресла, – мы даже не стали его убивать. Сама жизнь без любимой – худшее из возможных наказаний. Ведь он её действительно любил, так и не женился больше. Трон оставил сыну сестры, когда тот вырос.

Ну, а мы... вначале искали, искали везде. Наши люди платили огромные деньги за малейший намек, но все было тщетно. Нам смеялись в лицо, устраивали целые спектакли, что-

бы выманить награду и... ничего. Ни следа, ни правдивого слова. Одна ложь и пустота.

Когда драгоценности из приданого стали появляться на шеях герцогинь и баронесс, мы построили усыпальницу, поставили хрустальный гроб... пустой. Прошло время надежды, пришло время мести.

Лучшие из наших парней ушли подмастерьями в кланы убийц и воров. Они учились этому поганому мастерству, ибо таково было условие возвращения чести нашему народу.

Перед тем как оставить трон, Лиашанг сделал нам последний подарок – призвал подданных вернуть приданое принцессы. Но сокровища лишь подскочили в цене. Вечное человеческое желание обладать чем-то запретным. Однако своей просьбой император развязал нам руки. Ничто больше не могло помешать вернуть украденное домой.

Мы не стали церемониться с теми, кто посмел присвоить себе честь Аргании.

После первой волны убийств, часть драгоценностей нам вернули, и за каждое мы выплатили двойную цену. Оставшиеся укрыли еще надёжнее, надеясь сбить нас со следа.

– Как можно рисковать жизнью ради бездушных камней? – поражённо воскликнула Дара.

– Ты ещё слишком молода, и не знаешь – чем больше крови на камне, тем он дороже стоит, ибо к его цене прибавляется стоимость человеческой жизни.

– Я понимаю, – задумчиво произнесла девушка, – вы воз-

вращаете своё, но убийствами принцессу не вернуть!

– Даже, – наставник сделал паузу, – если Араэllu оставили в живых, прошло уже слишком много лет для одной человеческой жизни. Поверь, не стоит жалеть тех, кто умер, защищая награбленное. Они знали цену и её заплатили. Или тебе жалко графиню? Нет? Почему-то я не удивлён.

Но это еще не вся история. После пропажи принцессы, в буре погибли два её брата, вместе с родным дядей. Мать-королева, не выдержав повторного удара, слегла. Король тоже не задержался на этом свете, передав бразды правления наместнику. С тех печальных пор, горный трон пустует без владельца.

Дара быстро закончила перевод, просмотрела ли, закра-лась ли досадная ошибка. Нет, все правильно. Взглянула на часы – до прихода наставника оставалось время. Значит, она успеет спуститься в конюшню и навестить Илька. Это сокровище ей подарили месяц назад. Как подозревала Дара, исключительно, чтобы развеять последние сомнения оставаться или нет. И отказаться было нельзя. Как тут откажешься, когда на тебя смотрят огромными глазами с опаской, сомнениями и надеждой – возьмёшь или нет?

Ильку не повезло – умерла его хозяйка, несчастный случай. Тогда и решили сделать исключение из правил и подарить пегаса чужачке.

Непонятно почему, но тас Нурсах не оставлял надежды, что Дара определится с наградой, и при каждой встрече ин-

тересовался, не желает ли гостя нечто особенное, достойное оказанной услуги. Девушка лишь растерянно пожимала плечами – что можно желать, когда у тебя все есть – одежда, еда и даже книги?

– Может, что-нибудь из украшений? – настойчиво предлагал он.

В ответ Дара отрицательно мотала головой. После зрелища окровавленных драгоценностей под ногами, её мутило от одной лишь мысли о них.

Зато кое-кто запомнил, как загорались от восхищения глаза девушки при виде коней, как смогла довериться, выплакав боль на шее у пегаса.

– Прости, что не можем подарить жеребёнка, – Кристан провёл рукой по смолянисто-черной гриве, – но ты – не арганка, а значит, не знаешь, как нужно его воспитывать.

Дара кивнула, соглашаясь. Чтобы чему-то научить, нужно уметь это самому. Она же только начала постигать мудрость и суровость законов гор.

Отряд арганцев, спасший девушку из рук графини, по возвращении не забыл про неё. Через пару дней после исцеления, они заявили в полном составе. Принесли цветы, фрукты, медовые сладости. Много шутили, смеялись, говорили, что Дарг до сих пор не пришёл в себя после того, как его буквально залили слезами. Мол, скучает, передавал привет. Обещали показать долину, как только Дара окончательно поправится.

Улучив момент, девушка тогда спросила Кристана, почему не оставили на поляне, как хотели, почему забрали?

– Ты женщина, – последовал простой ответ, – с такими ранами не дошла бы. Проводить тебя мы не могли, проще было взять с собой.

С тех пор Кристан с товарищами навещали регулярно. Учили языку, помогали с занятиями, ненавязчиво рассказывали про обычаи, традиции. Иногда появлялись с друзьями. Когда Дара немного освоилась и подучила арганский, стали забирать на прогулки. Теперь за ней залетал кто-нибудь один и отвозил к остальным.

Дара улыбнулась, вспомнив пикники у водопадов – потрясающей красоты место, где любила собираться молодёжь. Ей даже удалось подружиться с двумя милыми девушками. Жаль, что арганский она знала пока плохо. Дара не могла не заметить, как вздрагивали и напрягались арганцы, слыша речь жителя низин, и поэтому старалась не говорить на родном языке. И как хорошо, что всегда можно спросить незнакомое слово у Эсара или Тимьяра.

В Аргании лишь Ночная гвардия, да совет с Наставником говорили на языке загорных соседей. Именно отряды летучих гвардейцев терроризировали империю, выкрадывая драгоценности, отправляя на тот свет их владельцев.

Порядки в гвардии царили суровые – ни жены, ни детей, частые длительные вылазки на вражескую территорию и риск не вернуться домой. И все равно многие стремились

попасть туда. Не было почётнее обязанности для арганцев, чем вернуть честь своей стране.

После водопадов, больше всего Даре нравился Белый город. Огромным цветком он распустился на побережье, обрамлённый жёлтой полосой пляжа. Голубые крыши выглядели сверху, словно капельки моря на бело-зелёном фоне, будто волна брызнула на берег, да так и застыла. Даре так полюбился морской город с его уютными улочками, яркими лавочками экзотических товаров, шумным базаром и солёным запахом моря, замешанным на терпких ароматах пряностей, что она всерьёз подумывала попросить советника поселить её здесь.

– И ведь почти каждую неделю кто-нибудь сбегает на корабль, – вздохнул Тимьяр, разглядывая лес мачт в порту. Они стояли на набережной, выбрав укромное место, где не было толчеи и шума.

– Их возвращают? – тихонько спросила Дара.

– Если на чужой по дурости залезут, то да. А если к своим... Восточку домой и юнгой на службу. Зачем дарить человеку крылья, если у него в душе царит море.

– Ты не прав, – Гестар покачала головой, – когда корабль несётся на всех парусах – это почти полет, только очень низко над водой.

– Да я и не спорю, – отмахнулся Тимьяр, – и моряков весьма уважаю. Каждому своё. Кому-то горы, кому-то море. Главное, чтобы в жизни был выбор, а уж по какой дороге ид-

ти – дело каждого. Слыхал, младший Рукхана сбежал вчера в рейс.

– Да, ты что! – воскликнул Гестар, – вот старик-то огорчился. Он же клялся, что все его сыновья пойдут в гвардию и никуда больше, а тут такой «подарок». Представляю, как он рвал на себе волосы от огорчения, да поздно – парень небось и возвращаться побоится.

Гестар – темноволосый, как и все горцы, командир еще одного отряда присоединился к их компании пару месяцев назад, когда вернулся из очередного рейда в Империю. Балагур и весельчак, он был мастером на разные затеи и развлечения. С ним девушка чувствовала себя легко и непринуждённо. А вот некоторые его побаивались – острый на язык Гестар мог высмеять любого, но тут же помириться, если остроты сильно кого-то обидели.

Как же он отличался от молчаливого уравновешенного Кристана. Сероглазый даже двигался неторопливо, словно обдумывая каждый шаг. И все-таки Дара именно его выделяла среди прочих арганцев, как своего спасителя из цепких лап графини.

– Знаешь, что означает твоё имя в Аргании? – спросил однажды Кристан, – Оно переводится, как цветок ночи – небольшой с черными лепестками и красивый, как ты. Цветёт только по ночам на высоких лугах.

– Ночная фиалка, – догадалась девушка, – в Империи тоже растёт такой цветок, – она тряхнула отросшими до плеч

волосами, улыбнулась, – но по ночам я сплю.

– Зато у тебя черные волосы и глаза, а когда ты улыбаешься – словно расцветаешь.

Дара покраснела. Ухаживания Кристана ей нравились, как и сам гвардеец, но сердце не торопилось с выбором. Ещё не зажили нанесённые раны, не стёрлась память о боли. Наверное, поэтому каждое утро, находя на подоконнике букет фиалок, девушка не искала дарителя цветов.

Кроме Гестара с ними часто выбирался на прогулки Тукхан – молчаливый здоровяк с застенчивой улыбкой из отряда Гестара. Даргей, еще один арганец, был единственным не гвардейцем из их компании, зато его интеллекта смело хватало на всех здоровых и сильных. От него Дара узнала и про таможеню на островах, и про торговые законы, и даже про то, как отличить поддельный камень от настоящего и многое другое. Как и большинство арганцев, Даргей был темноволосым и голубоглазым.

Все они хорошо относились к девушке. Но иногда Дара ловила себя на мысли, что их забота носит оттенок некой настороженности. Так родственники наблюдают за тяжело больным ребенком, ловя малейшие признаки ухудшения здоровья.

Слава Создателю, про прошлое её никто не расспрашивал, да и сама Дара кроме приюта не готова были ничего вспоминать.

Дара быстро шла по коридору в конюшню. Провела рукой

по карману платья – не забыла ли положить кусочек сахара, нет на месте.

Ильк оказался жутким сладёнам, и девушка его беззастенчиво баловала, не взирая на все ворчания Кристана. Зато Илька можно было гладить, целовать в бархатный нос и ни капельки не бояться, не то, что боевых монстров гвардейцев.

Она спускалась по лестнице, когда впереди слышались мужские голоса. Фраза: «И когда ты собираешься все рассказать Дариэлле?» заставила её замедлить шаг и застыть, затаив дыхание. Девушка аккуратно выглянула из арки. Впереди в галерее стояли двое, боком к ней: неизвестный и тас Нурсах. Вопрос задал последний.

– Сначала я должен с ней побеседовать, а потом уже принимать решение. Вдруг она все ещё не готова услышать правду?

– Думаю, тут никто не будет готов услышать, что является законной наследницей на горный трон.

– Друг, – тяжело вздохнул незнакомец, – ты видел её, общался. Как она?

– Как мы все в юные годы – наивна, неопытна, но добра, мила и искренна. Я не почувствовал в ней лжи. Да, она рассказала только про детство, но ты сам понимаешь почему.

– Да, понимаю. Мне уже доложили. Представить не могу, что принцесса, будущая королева и продажная женщина. Но это полбеды, пережили бы! Не страшно, что не обучена и не знает законов, языка – выучили бы. Совет поддержал бы,

не дал наделать ошибок. Но Тао-Ресак! Всем известны дурные наклонности графини. Одному создателю ведомо, успела она отравить душу девушки или нет. И большее всего осознавать, что кому-то из моих сыновей по законам гор придётся жениться на ней. Я даже представить не могу, какой сложный выбор им предстоит – трон и страна или собственное счастье.

Дара зажала рот ладонью, чтобы не вскрикнуть. Пора уходить, пока она не выдала себя. Шаг, еще шаг и напоследок доносится фраза.

– Наместник, я не был бы так категоричен в отношении Дариэллы. Ваши сыновья довольно часто встречались с девушкой, может у них другое мнение в отношении этого брака?

Глава 4

Стыд, ярость, обида и злость – всё смешались в противоречивый комок эмоций.

– Как, как они могли?! – билось в голове. Заманить в страну, скрыть, что она – потомок королевской семьи, правда, непонятно откуда узнали, улыбаться всё это время и думать лишь об одном, как такая падшая женщина может занять горный трон – позор для Аргании! Как могли обманывать, лгать, глядя в глаза... а сами лишь оценивали, взвешивали шансы вылепить из неё что-то достойное. Вот и объяснение хорошим учителям, отдельным комнатам и постоянно-му присмотру. Как она могла думать, что здесь каждой проходимке выделяют отдельные комнаты во дворце! Дура!!!

Когда схлынули первые эмоции, и Дара захлопнула за собой дверь комнаты, к ней вернулась способность рассуждать здраво.

Ну, действительно, какая из неё королева – смех, да и только. Ничего не умеет, не знает, на публике впадает в полубморочное состояние, речь произнести – настоящая пытка. Нет, такая королева – позор для Аргании. Выход один – бежать и прямо сейчас. Жили же они как-то без неё и дальше прекрасно проживут. Наместник опять же страну до процветания довёл, пусть и дальше шлифует. Сыновья у него есть, вот и наследники для трона. А если им не даёт на это пра-

во существование Дары, так пусть не волнуются. Она здесь больше не появится. Жаль, детей завести не придётся, чтобы окончательно род прервать. Но это ничего, потерпит. Главное, спрятаться хорошенько, чтобы не нашли, не вернули. Поищут и забудут. Не впервой им принцесс терять.

Прав, наместник, прав. Ну, какая из неё жена? С таким-то прошлым? Пусть и не случилось ничего в весёлом доме, пусть обошлось, вот только ту грязь из души так просто не вычистишь. Две недели всего была, а казалось – целую жизнь. Чего только там не насмотрелась, каких только слов не набралась! Пёс заставлял обучать новенькую. Нет ничего проще, чем светлое замарать, а вот отмыть потом, ой, как тяжело. И графиня... склизкой змеей в душу вползла. Пробудь Дара там хоть пару дней, страшно представить, что было бы.

Арганцы совсем другие. Для них брак – священен, один и на всю жизнь. Разрывы крайне редки. Дара встречалась с другими девушками – белые лилии вместо душ. И тут она... чёрная фиалка. Не на это ли намекал Кристан?

И эти красавцы, тоже хороши. Заботились они, видите ли, о Даре. Дружили.

Сколько сыновей у наместника? Два, три? И кто из них маскировался под друга? Вот позор-то какой! Все вокруг были в курсе, что кому-то из сыновей придётся жениться на меченой принцессе. Предатели! Вот этого обмана она им не простит.

Но обида, обидой, а портить кому-то личную жизнь из-

за внезапно свалившегося трона, она не собирается. Хватит, пожила в довольствии, ухватила свой кусочек счастья, пора и честь знать.

Дара заметалась по комнате, собирая вещи. Штаны, пару юбок попроще, рубашки, одеяло, тёплый жакет, сменную обувь, ещё немного полезных вещей для дороги.

Теперь записку с извинениями учителю, что она летит на побережье вместе с Кристаном. Мол, там приплыл корабль с животными, и ей очень хочется на них взглянуть. Если все пройдёт удачно, хватятся её только завтра утром.

Дальше степенным шагом на кухню с пустым мешком в руках.

– Шайгар!

– А, маленькая Дари, – улыбается повар, – что опять на пикник?

Она кивает.

– И опять с этим прожорливыми созданиями? Ладно, ладно, положу побольше. А то, знаю я их. Сами все съедят, а тебе не достанется. И так худая – кожа, да кости.

– Будет, вам, Шайгар, – смеётся девушка, – благодаря вашим чудным пирожкам у меня даже животик появился.

– Эээ, какой-такой животик? – повар свернул ладони трубочкой, разглядывая фигуру Дары, – одну немочь худосочную вижу. Пирожков положу побольше.

– Помочь донести, Дари?

– Спасибо, Шайгар, справлюсь. До конюшни недалеко.

– Держи еще бутылку травяники, а то вдруг пить захочется.

– Вот за это – спасибо! – Дара искренне улыбнулась. Местная травяника – лучшее средство от жажды, кроме того она прекрасно поддерживает силы, а силы ей ещё, ой, как понадобятся.

Нагруженная припасами девушка вышла во двор. Дара старалась ничем не выдать охватившее её волнение – ещё чуть-чуть и она вырвется отсюда. Встречные слуги не обращали никакого внимания на медленно идущую девушку, привыкли, расслабились – не пленница же, а гостья на особом положении. А вот и конюшня.

– Дядько! – крикнула Дара, заглядывая в царящий внутри полумрак. В ответ полумрак зашевелился, засопел, зафыркал, перестукивая множеством копыт по дощатому полу.

– О! Даришка пожаловала! – сбоку вынырнул конюх и, прихрамывая, направился к девушке.

Дядько раньше служил в гвардии, но на одном из заданий повредил ногу, а главное – потерял собственного пегаса. Его самого, раненного, чудом вывезли товарищи. Остаться среди своих наставником Дядько не захотел, и попросился в конюшню, поближе к пегасам.

Вот его Дара побаивалась – бывший гвардеец мог раскусить план побега.

– Куда собралась, птичка ранняя?

– Кристан звал на водопады.

– Что ж, дело хорошее. А где же твой красавчик?

– Сюрприз хочу ему сделать, – Дара потупилась, – подожду на белой скале.

– Одна, значит, – Дядько потёр подбородок, девушка замерла – позволит или нет? – а не заблудишься?

– Разве можно тут заблудиться, когда её отсюда видать.

– Видать-то, видать, – конюх задумчиво покачал головой, пожевал губы, потом махнул рукой, – ну, да ладно. Ильк – надёжный, довезёт. Да и ты на нем уже хорошо держишься. Давай, оседлаю. Принеси мне попону теплую, да одеяло себе возьми, а то опять на камнях сидеть будете.

Дара прошла в дальний конец конюшни, выбрала попону, взяла с полки одеяло, потом воровато оглянувшись, подхватила с полу мешок овса. Быстро отсыпала в пустой мешочек пару мер, сверху бросила жакет.

Когда вернулась, Дядько уже заканчивал седлать Илька. Пегас радостно заржал, потянулся к Даре.

– Ты – мой хороший, – она дала ему кусочек сахара, затем провела ладонью по бархатному носу, – обещаю, все будет хорошо, – еле слышно прошептала, сглатывая комок слез.

– Чтой-то ты загрустила, – выглянул из-за крупа конюх, – али поссорилась с кем?

– Нет, просто сон дурной приснился, – отмахнулась девушка, кляня в душе Дядько с его проницательностью.

– Ну, это дело проходящее. Полетишь, развеешься, мигом все забудешь, – рассудил конюх, – Кристану, привет!

– Обязательно передам.

Дядько споро пристегнул к седлу мешки с одеждой, едой, свернул попону, повесил сложенное одеяло. Под его суровым взглядом девушка повязала тёплый плащ, хоть на улице и было солнечно, а день обещался быть жарким.

Горы не любят легкомысленного к ним отношения. Здесь погода переменчива, как настроение младенца, здесь даже на лёгкую прогулку берут тёплую попону для коня и плащ для себя.

Дара до последнего ждала окрика в спину: «Стой!», но нет, обошлось. Ильк радостно заржал, расправляя крылья.

Пара подскоков, и они взмывают в нежно голубое небо, направляясь к белой скале. Девушка даже не сомневалась, что Дядько проследит за тем, куда они полетели. Но это не страшно, её путь все равно лежит в ту сторону.

Хорошо, что Кристан с утра ушёл в море на рыбалку, и во дворце сегодня не появится. Была у Дары надежда, что о его планах мало кому известно, и ложь вскроется только завтра.

Ей вспомнились слова Нурсаха: «Ваши сыновья довольно часто встречались с девушкой». Мысль о том, что Кристан может оказаться сыном наместника оказалось довольно неприятной. Более того, Даре вдруг нестерпимо захотелось, что он был простым арганцем, через пару лет разыскал её в Империи, и тогда они бы улетели вдвоём далеко-далеко.... Увы, Кристан – настоящий арганец и никогда не предаст закон гор.

Дара решительно отбросила глупые мечты и сосредоточилась на маршруте. План побега был прост, и пока все шло хорошо.

В Империю из Аргании вели два пути. Первый – короткий через перевал выходил практически в центр страны, до столицы рукой подать, и гвардейцы использовали короткий, но более опасный путь, не желая привлекать к себе лишнего внимания.

Второй – более долгий, шёл по пологой части Джуйского хребта, сплошь искорёженной сетью глубоких ущелий. Этот путь выходил на окраину Империи, и последний раз им пользовался свадебный кортеж принцессы.

Дара прекрасно понимала, что перевал ей не по силам, а вот в ущельях легко затеряться. Там её будет трудно отыскать, главное – самой не заблудиться. Как она помнила, ущелья, хоть и пересекались друг с другом, шли в сторону Империи.

Обогнув белую скалу, Дара направила возмущённо фыркнувшего Илька вглубь горного массива.

– Не бойся, – похлопала по шее, – как только прилетим, отдохнёшь и отправишься домой, а я..., – она вздохнула, – останусь.

Решимость, владевшая ею до этого момента, постепенно таяла, как туман внизу в горах. Она прикусила губу, смагивая непрошенные слезы.

Судьба странным образом плетёт своё кружево. Если бы

Дара не попала к Тао-Ресак, то и не встретила бы арганцев, не оказалась бы в королевстве, не узнала бы о своем происхождении. И в тоже время, не попади она в веселый дом и затем к графине, кто знает, как сложилась бы её судьба в Аргании, может уже и корону примеряла бы.

Через пару часов полёта углядев небольшой водопад, Дара отправила пегаса вниз. Расседлывать не стала, лишь сняла мешки. Ильк с довольным видом потрусил к видневшейся среди камней зелёной траве. Сама девушка умылась ледяной водой, набрала полный кожаный мешок – неизвестно встретится ли им дальше вода, а пегасу нужно пить.

Отдохнув полчаса, они полетели дальше. Яркое голубое небо радовало своей безлюдностью, значит, её побег до сих пор не обнаружен.

Солнце высвечивало каждую чётточку проносящихся под крыльями скал. Дара боялась потерять направление и пока держалась над горами. Невысокие отроги серыми каменистыми змеями извивались внизу, их шкуры местами расцветивал серо-коричневых мох, голубыми глазками поблёскивали редкие озера.

Лишь когда Ильк нырнул в первое ущелье, девушка вздохнула с облегчением. Первая часть пути преодолена.

Место для отдыха она высматривала долго – кругом острыми зубьями торчали скалы, спускаться вниз было опасно, а наверху – те же камни, ни одной ровной площадки. Наконец, сбоку показался уступ, достаточно широкий, чтобы на

него сесть.

Дара расседлала пегаса, дала остыть, затем накормила овсом, напоила. Ильк требовательно ткнулся носом в плечо.

– Держи, сладкоежка, – она протянула кусочек сахара, – но больше не дам. Воды у нас с тобой только этот мешок.

Сама Дара, не смотря на полуденный час, не смогла заставить себя поесть. Оставшуюся часть отдыха она провела сидя на уступе, бездумно глядя на отвесную стену ущелья, возвышающуюся напротив. Думать о будущем не хотелось, переживать о прошлом – не было сил. Побег отнял все, выжал досуха. Жутко хотелось спать, но эта роскошь ей была пока недоступна. Да и ночь предстояло провести в горах. Пожалуй, место для ночёвки стоило выбрать заранее. А завтра к обеду, если все получится, она увидит зеленые холмы Империи.

Кристан стоял, облокотившись о перила борта. Внизу пенились волны, с шипением обругивая разрезавший их корпус корабля.

– О чем задумался? – спросил Даргей, вставая рядом.

– Гроза, какая с гор заходит, – арганец кивнул на темно-лиловую часть неба, повисшую над Джуйским хребтом, – пора к берегу заворачивать. А то угодим под шторм. Ишь, как быстро идет.

– Уже. Капитан отдал команду держать курс на острова, до берега боится, что не успеем.

– Хорошо, что Дариэллу не взяли с собой. Хотя, веришь,

тревожно как-то на сердце. Странно, она ведь во дворце, и все должно быть в порядке, а все равно не по себе.

– У меня тоже тревожно на душе, – Даргей помолчал, потом добавил, – с Быстрого просигналили, что корабль наместника на рассвете причалил в порту.

– Давно пора, – кивнул Кристан, – значит, завтра во дворец?

– Куда деваться. Он же захочет со всеми побеседовать, а потом уже будет принимать решение. Уверен, тебе не стоит бояться за Дариэллу – она хорошая девушка, и ему понравится.

– Я боюсь не за нее, а за нас. Мне кажется, мы настолько привыкли жить без королевской власти, что теперь будем искать любой предлог, чтобы не посадить Дару на трон.

– Может, ты и прав. Главное, не обидеть её этими поисками. Если мы потеряем принцессу второй раз по собственной глупости – мы потеряем себя.

Дара несколько раз заставляла Илья перелетать в соседние ущелья, как только между скалами виднелся подходящий перевал. Кто знает, как хорошо эти горцы могут идти по следу. За то время, которое девушка провела в королевстве, она не раз сталкивалась с необычными вещами. Все эти каменные дворцы, изящные интерьеры, таинственные приiski, странные камни, а что говорить про пещеру прародительницу, о ней Дара ведала лишь название. Теперь, когда ей была известна настоящая причина пребывания в Аргании,

подобные недомолвки превращались в обиду. Раз не захотели посвящать чужачку в свои тайны, значит, не были уверены, что она останется.

«Нет, побег был верным решением», – окончательно убедила себя Дара.

Когда на верхушках скал легли первые розовые проблески заката, она начала высматривать место для ночёвки. Как назло ущелье впереди, словно топором обтесали – сплошь отвесные скалы. Нужно было рискнуть подняться и перелететь в соседнее ущелье, может там повезёт, или сверху сможет присмотреть что-нибудь подходящее. Не хотелось бы ютиться ночью на узком пяточке.

Дара направила пегаса вверх. У самых верхушек скал резкий порыв ветра чуть не сбросил их на камни. Сердце девушки сжалось от дурных предчувствий, но слева небо было безмятежно голубым, а вот справа – она бросила взгляд в ту сторону и обмерла от страха. Огромная заволакивающая-черная смерть заняла всю правую часть неба. Она была близка, очень близко. Внутри облака уже колыхалась буря, раскидывая слепящие ветви молний. Раскаты грома еще звучали глухо и невнятно, словно туча раскачивалась, тихонько ворча, чтобы потом налететь в одно мгновение, превратив ясный погожий день в дикий хаос с оглушительными раскатами грома, тучами мусора и пыли в воздухе, белыми змеями на черном небе и под конец сплошными потоками воды.

– Вниз! – закричала Дара, но было уже поздно. Сильный

порыв ветра, словно игрушку, подхватил коня, закрутил, перенёс через гряду, а затем с силой швырнул на скалы. Ильк изогнувшись, оттолкнулся от камней, но крыло спасти не успел.

Сквозь шум бури Дара не слышала, как хрустнуло сло-манное крыло, скорее почувствовала, как вздрогнул пегас, а затем они стремительно понеслись вниз. Ильк пытался дер-жать равновесие вторым крылом, но скалы острые, прямые, равнодушные в своей твердыне были повсюду.

Удар – Дару выбросило из седла, она прокатилась по дну ущелья, а затем потеряла сознание.

Очнулась от потоков воды, стекающих по лицу. Первые секунды сознание слабо пыталось понять, где оно и что с ним, но память вернулась, принесла боль и отчаянье.

– Ильк! – Дара попыталась встать, голова отчаянно кру-жилась, а ноги дрожали, – Илькушка! – она плача, поползла назад, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь потоки дождя.

«Только бы жив, только бы жив», – шептали губы. Она протянула руки, дрожащими пальцами нащупала холодную мокрую шкуру коня. Грива слипшимися сосульками свисала вниз, крылья – гордость и красота пегасов, теперь изломан-ные с выдранными перьями раскинулись на камнях.

– Прости, прости, – Дара приникла к шее коня, – прости меня, это я – дура со своей гордыней. И зачем только суну-лась в эти горы? Как же я без тебя, Ильк? Я же не смогу даль-ше. Ильк, ну очнись, Илькушка. Клянусь, никогда больше не

пожалее тебе сахару. Только живи, умоляю, живи.

Губы шептали что-то бессмысленное, руки гладили гладкую шкуру, перебирали гриву, а небо равнодушно взидало на них, плача из-за своей собственной беды, неизвестной никому из копошащихся внизу существ.

– Илькушка...., милый, – слабое ржание донеслось до девушки.

«Жив!» – радостно забилося сердце, и разом забылись собственные беды, стало важным лишь одно: «Он будет жить! Должен! Не будь я... а, не будь я – принцессой Аргании!»

Первым делом долой седло и мешки. Некогда распутывать намокшие верёвки, вот и пригодился кинжал – подарок Тимьяра. Они тогда собирались на праздник начала лета, а парадный костюм горца без кинжала немыслим, как у мужчин, так и у женщин.

Теперь проверить повреждения. Крылья она трогать не будет, там даже на вид ничего хорошего. Больше всего Дару беспокоили ноги. Если перелом... нет, даже думать об этом страшно. Она аккуратно проверила все четыре. На правой обнаружился глубокий порез. Хорошо бы это был только порез. Но времени на детальный осмотр нет. Нужно найти укрытие, в крайнем случае, место повыше. Скоро по дну ущелья потечёт ручей, и оставаться здесь нельзя.

Как не хотелось ей покидать коня, но пришлось. Стена ущелья ещё проглядывалась сквозь серые сумерки, да и

дождь стал пореже. Вроде бы справа что-то темнело. Ей повезло – сказочно. Второй раз за сегодня. Неужели горы смилоstinивились и перестали мстить за то, что она посмела бежать?

Это не было даже пещерой – углубление под нависшей скалой, но в глубине сухо, а по краям валялись принесённые весенними ручьями сучья.

Перенести вещи и седло было самым простым делом, но что делать с Ильком? Даже если каким-то чудом ей удастся втащить его на попону, она все равно не сдвинет коня с места. Как же быть?

Пегас следил за её перемещениями и жалобно ржал, если она скрывалась из виду.

– Потерпи, милый, все будет хорошо, – уговаривала она его и себя.

Умный конь сам понял, что от него требуется. Неловко качнулся, пытаясь встать. Девушка охнула и бросилась на помощь. Она тянула, напрягая свои невеликие силенки, и чуть не упала, когда Ильк, встав с третьей попытке, положил голову ей на плечо. Дара закачалась, но устояла. Медленно, шаг за шагом под уговоры девушки: «Ну, еще чуть-чуть, мой хороший, давай, еще немного. Вот умница», они все-таки дошли.

К радости Дары, Ильк хоть и прихрамывал, но на правую ногу немного приступал.

Теперь первым делом тепло и свет. Она собрала сучья, до-

стала из мешка один из двух горячих камней, которыехватила из камина собственной комнаты. Знала же, что в горах ночевать придётся.

Огонь разгорался неохотно, с трудом отдавая тепло. И все же с ним стало гораздо веселей.

Дара развернула попону, сухой частью тщательно обтёрла коня, затем попыталась с помощью мешков и попоны сделать хоть какую-то преграду для ветра и капель дождя.

Теперь пришло время заглянуть в аптечку. Её Даре вручили вместе с Ильком, и выучить заставили, что от чего применять надо. Жаль, только, что здесь опытный врач нужен, а не новоиспечённая любительница.

Так, противовоспалительная мазь – обработать рану на ноге и перевязать. На бинты пустить белую рубашку. Набрать ровных палок, и приступить к самому сложному – крыльям.

Дара от сосредоточения закусил губу, даже дышать старалась реже, чтобы руки не тряслись. Выпрямить кости, разгладить перья, наложить палки и примотать покрепче. И так повторить несколько раз, пока оба крыла не стали похожи на белые замотыши. Теперь закрепить их на спине, чтобы не мотались в воздухе, и без сил рухнуть около костра.

Ильк мужественно перенес лечебные процедуры, лишь тяжело дышал, с присвистом, сквозь который изредка прорывались жалобные стоны. И тогда сердце девушки замирало, на глаза наворачивались слезы, а руки начинали мелко

трястись.

– Потерпи, милый, потерпи, – бормотала она, смахивая с ресниц слезы.

Когда закончила, бросила на камни запасной плащ, расстеленное на просушку одеяло было еще мокрым, под голову положила седло и попыталась заснуть. Дара понимала, что сон необходим, силы ей завтра, ой, как понадобятся, вот только испуганное сердце продолжало биться в груди, не желая успокаиваться.

Стихший было дождь, зарядил с новой силой. Небольшой костер не мог спрятать от непогоды усталую путницу и покалеченного коня. Было зябко, холодно, неудобно, а еще очень страшно. Страшно за Илька – как она теперь отправит его домой? В Империи такой конь – обвинение в измене и верная смерть. Пегаса продадут, а её казнят, как шпионку Аргании.

Что же, сейчас у Дара одна забота – поставить Илька на ноги, точнее на крылья. Удаляться от гор нельзя. День пути, максимум два, найти убежище и ждать, пока он поправится. Если нет... если повреждения окажутся слишком серьезными, и пегас не сможет летать... Нет, Дара даже думать об этом не хотела. «Все будет хорошо», – убеждала она себя.

Ночью, замерзнув, она подползла под теплый бок коня, так и заснула, положив голову ему на живот.

Утром заоченевшее тело отказывалось повиноваться. Привыкло оно спать в мягкой дворцовой постели, а не на го-

лых камнях.

Солнце еще не поднялось над горами, утро было серым и промозглым. Редкие клочки тумана ютились по дну ущелья, лишь добавляя унылых красок, а наверху стремительно бежали тучи, обещая расплакаться при первой возможности. Наступал последний месяц короткого лета, по ночам становилось уже прохладно, но днем Дара надеялась, будет тепло.

Девушка не стала разжигать костер, наскоро перекусила холодным мясом, съела сыр и пару сладких булочек, напилась травяники. Её морозило, голова болела и немного кружилась, но Дара не обращала внимания на собственное недомогание. Хотя ей и плохо, но Ильку еще хуже – со сломанными крыльями и пораненной ногой.

Девушка поменяла повязку, проверила, не ослабли ли узлы на самодельных лубках, добавила еще несколько полосок ткани, чтобы крепче зафиксировать палки. От овса Ильк отказался, а вот воду выпил охотно, почти полностью осушив мешок. «Значит, первым делом ищем воду», – решила Дара. Теперь нужно было уговорить пегаса идти дальше. Остаться здесь, на голых камнях – верная смерть.

Умница Ильк послушно поднялся, хоть и на дрожащих ногах, но сделал несколько шагов.

– Ты у меня самый лучший, – чмокнула его в нос Дара, стряхивая набежавшую слезу.

Половину багажа пришлось оставить под скалой – ей просто не утащить столько. Чтобы не травмировать крылья, на

спину коня девушка уложила одеяло и попону. Сама взяла еду, немного одежды, лекарства и разных полезных мелочей, без которых им просто не выжить.

– Что же, в путь!

Пошла впереди, поминутно оглядываясь. Сзади, прихрамывая, ковылял Ильк.

Дара не знала, как далеко им удалось улететь, ноявно преодолено больше половины пути, а, значит, идти до Империи ближе, чем возвращаться назад. Да и не хотелось девушке признавать себя побеждённой. «Я справлюсь, – твердила она про себя, – не сдамся. Вылечу Илька, отправлю домой, и буду сама устраивать свою жизнь без всяких принцесс и арганцев».

Впереди ущелье раздвоилось. Дара заглянула в одну сторону, затем в другую и радостно вскрикнула. Второй путь уходил вниз, но главное – в углублениях блестела дождевая вода.

Ильк заржал, почуяв воду. Шли они уже долго, и пегасу давно хотелось пить. Около первого же маленького озерца Дара устроила привал. Конь долго и с чувством пил, фыркая, жадно втягивал воду.

Это ущелье оказалось настоящим спасением для них. Здесь было много небольших луж, полных воды от прошедшего ночью дождя. Из некоторых до сих пор текли вниз ручьи. Ильк осторожно ступал по скользким камням, а вот Дара шла, плюхая босыми ногами и поднимая брызги. Ботин-

ки она связала и повесила на шею. Мешки давили на плечи, усталое тело просило отдыха, но девушка упорно шла дальше. Осознание, сколько мало еды осталось для коня гнало её вперед. Лишь когда Ильк начинал отставать, она устраивала привалы.

Дара старательно вглядывалась в серые камни ущелья – вдруг мелькнет зеленый куст или кривое деревце, неведомо как проросшее на скалах. Каждой травинки она радовалась, словно сокровищу.

Уже к вечеру пегасу явно полегчало. Он шел все уверенней. И девушка, как могла, поддерживала его силы. Яблоки, хлеб – все ему. Овес, она сэкономила, стараясь оттянуть неизбежное.

– Ильк, смотри, какой куст! Какие жирные листья! Погоди, я наклоню верхнюю ветку. Вот видишь, Ильк, какие мы везунчики. В скалах и такой славный куст нашли. А что дождь опять пошел, не беда. Главное, что теплый и не сильный. Мы же не сахарные Ильк, не растаем.

Глава 5

– Уважаемые тасы, – окрик Лиграна застал их при входе на главную лестницу гостевого дворца, – я, конечно, понимаю, молодость, увлечения, но впредь прошу запомнить – Дариэлла должна ночевать в своей комнате. Неприлично ей останавливаться в гостевых домах.

– Где она? – рыкнул Кристан, делая шаг к наставнику принцессы.

– Разве не с вами? – побледнел Лигран, – но записка...

Кристан не стал дослушивать до конца, а развернулся и бегом помчался в конюшню.

– Мы вчера целый день были в море, а ночь из-за бури провели на островах, – пояснил Тимьяр, направляясь вслед за Кристаном, – с нами не было Дариэллы.

– О, Создатель! – потрясённо проговорил Лигран, следуя за ними, – как я мог так ошибиться?

– Мы привыкли ей доверять, – пожал плечами Гестан, – интересно, что же здесь вчера произошло?

– Она улетела вчера утром, – Кристан встретил их на пороге, за его плечами маячил бледный Дядько, – сказала, что хочет сделать сюрприз и встретить меня на Белой скале. Туда и направилась. Когда не вернулась вечером – особо никто тревожиться не стал. Шла сильная гроза, и все решили, что мы остались переночевать в близлежащем поместье.

– Или на побережье, – хмыкнул Даргей, – девочка отлично замела следы.

– Не говори так, – насупился Тимьяр, – я не верю, что к побегу она готовилась заранее. Возможно, что-то стало причиной такого поступка.

– Мы все знаем, что причиной спешного побега могло стать возвращение наместника, – нахмурившись, сказал Кристан, – не будем терять времени, нужно поднимать гвардейцев. Пойдем пятью отрядами к перевалу. Обшарим каждый закоулок. Дариэлла не слишком опытный наездник. Всякое могло случиться.

Уже в пути, Даргей подлетел к Кристану.

– Я вот, что не понимаю, – прокричал он, пересиливая порыв ветра, – она торопилась, а поворот к Белой скале – это лишний крюк и довольно большой. Чтобы вернуться к дороге на перевал, ей пришлось фактически пролететь мимо дворца, а ведь для нее это было нежелательно – могли заметить.

– Меня тоже это мучает, – крикнул в ответ Кристан, – я бы сам полетел к Белой скале лишь в одном случае, если рассчитывал вернуться в Империю через ущелья Джуйского хребта.

Он резко натянул поводья, пегас недовольно захрипел, расставил крылья, тормозя полет.

– Если ты прав, – Кристан нахмурил брови, – мы идем по ложному следу. Дариэлла следует искать совсем в другой

стороне.

– Если я прав, – Даргей тоже притормозил коня, – она уже второй день в горах, и одному Создателю ведомо, что с ними могло случиться.

– Буря, – прошептал Кристан, бледнея.

– Предлагаю разделить отряды. Часть отправить к перевалу, остальные пойдут к ущельям.

– Согласен. Хоть найти их там будет нелегко, но Эсар обещал помочь. Вперед.

Отряды разделились, двумя группами отправившись на поиски.

Едва сиреневые сумерки стали вырастать из расщелин скал, Дара принялась искать место для ночлега. Она уходила на пару десятков метров вперед, заглядывала в каждую щель – тщетно, ничего подходящего.

Впереди показался обвал, рухнула верхняя часть скалы, открывая проход в соседнее ущелье. Дара сбросила мешки, поднялась по обвалу вверх, и вот – удача! Прямо перед ней на противоположной стороне склона сияло черное отверстие пещеры. Девушка радостно вскрикнула и отправилась на разведку. Пещера оказалось неглубокой и вполне подходящей. Теперь оставалось перевести через обрушившуюся скалу Илька.

Дара вернулась, с сомнением оглядела обвал. Убрала несколько особо опасных камней и аккуратно перевела пегаса на ту сторону.

Укладываясь на ночлег, она достала второй горячий камень, подожгла его. Хотя какое-то, но тепло. Жаль, веток собрать не удалось. Нечем подкормить огонь, а самого камня хватит ненадолго. Скромный ужин и долгожданный отдых. Вытянуть ноги, укрыться плащом, обнять пегаса за шею и... провалиться в сон.

Пафнорий, настоятель храма Единого Создателя, тяжело поднялся с колен. Как только утром стало известно о побеге принцессы, он вылетел из Белого города, где отдыхал после долгого путешествия, и отправился в храм. Здесь с полудня молил о снисхождении к девочке, о помощи отрядам в её поисках. Горы всегда отвечали на его мольбы, иногда показывая даже больше, чем он просил. Для арганцев почти вечные камни были воплощением силы Создателя, а дух, обитавший в пещере Прародительницы – их надежным хранителем.

Но сегодня больше ждать нечего. Горы приняли решение и его не изменят. Увы, в помощи им отказано, более того, Дариэллу скроют от поисковых отрядов.

Пафнорий нащупал прислонённый к стене посох, с облегчением опёрся на него. Да-а, задержался он на этом свете, вот уже и ноги не стоят без поддержки куска дерева. Устал, ох и устал настоятель ждать. Вставать каждое утро с мыслью – может, сегодня исполнится пророчество матери-королевы, и в Арганию придёт последняя из рода Лэардан.

– Ну, как? – кинулся к нему навстречу наместник, едва Пафнорий вышел из пещеры.

– Увы, – тот беспомощно развел руками, – она не вернет Дариэллу в Арганию. Девочка сделала свой выбор, и горы его приняли. А тебе просили передать, что не вовремя сказанные слова могут многое разрушить.

– О, Создатель! – простонал наместник, – значит, она слышала наш с Нурсахом разговор. Какой позор на мою голову! Не прощу, если с ней что-нибудь случится.

– Успокойся, – настоятель ободряюще похлопал его по плечу, – она жива, и горы о ней позаботятся.

– Позаботятся! – эхом отозвался наместник, – это мы должны были о ней позаботиться. Веришь, я ведь хотел, как лучше. Думал, выдать Дариэллу замуж. Пусть выбрала бы кого, достойного, хоть из моих – слово бы не сказал. Неволить не стал бы, да трон навязывать. А уж из детей мы бы воспитали настоящих наследников.

– Эх, Эльзар, – покачал головой Пафнорий, – разумом жизнь наладить пытаешься, а сердце все равно вмешивается. Боюсь, моих сил не хватит дожидаться, покуда ты достойнейших воспитывать будешь. Да и не нам с тобой судить о достоинствах чужих.

– Ты прав, насудился уже. Последняя принцесса из родной страны сбежала.

– Не кори себя. Нам не ведомы пути Создателя. Какими бы сложными они не казались на первый взгляд, мы никогда не знаем, что в итоге получится. Мне не ответили отказом на вопрос, вернется ли девочка сюда. Значит, есть надежда.

– Надежда! – лицо наместника просветлело, – Хорошо, я не стану отзывать отряды, может им удастся найти её в Империи, а пока отправлю людей по следам прошлого принцессы. Пора узнать правду. Не бойся, не из любопытства хочу знать о её жизни, лишь из желания не нанести большей обиды.

Кристан гнал пегаса изо всех сил. Слишком много потеряно времени, ведь беглянка больше суток назад улетела из дворца. Страшно подумать, что могло случиться с неопытной наездницей во время бури, свирепствовавшей над горами прошлой ночью.

– Есть след? – крикнул он Эсару.

– Да! – ответил тот, уверенно сворачивая в ущелье.

Солнце уже клонилось к закату, когда арганец внезапно издал предупреждающий крик и жестом показал вниз – снижаться. Отряд медленно и аккуратно опустился на дно ущелья. Здесь в глаза сразу бросились следы трагедии: выдранные перья с засохшей кровью, обрывки веревок, ремней, а чуть поодаль под скалой остатки стоянки.

– Они упали, – Даргей поднялся с колен, держа в руках несколько перьев, – пегас скорее всего сломал одно крыло, а то и два. Судя по тому, что его расседлали, перевязали – девушка не пострадала. Ночь провели вон там под скалой, а затем отправились пешком.

– Хорошо, – Кристан с хрустом сжал кулаки, – мы успеем их догнать до темноты. Далеко они не могли уйти. Эсар, что

со следом?

– Прости, командир, ерунда какая-то. Вот только что чувал их, а затем, как отрезало. Ничего, пустота.

– Что значит пустота? – взревел Кристан.

– Э-э, не в том смысле, что их нет в живых, нет, ты не подумай ничего дурного. Просто, перестал их ощущать, словно прикрыл кто-то.

– Горы, – задумчиво проговорил Даргей. – Я читал о таком. Если они прячут кого-то, бесполезно искать. Эх, как чувствовал, что не все так просто с этим побегом.

– Да, какое у них есть право скрывать от нас принцессу? – возмутился Тимьяр.

– Горы, не горы, мы все равно не сдадимся, – принял решение Кристан, – пойдем пешком по следу. И запомните, без Дариэллы нам дороги домой нет.

– Да-аринушка, – мягкий женский голос ворвался в сон, – Даринушка, солнышко, просыпайся.

– Да, матушка, – девушка сладко зевнула, с трудом раскрывая глаза, – что-то случилось?

Спросила и сама поняла, свою ошибку. Вместо светлых стен родной комнаты – черный камень пещеры, а вместо матушки – знакомый женский силуэт в расшитом серебряными звездами плаще. Осознала и испуганно вскрикнула, окончательно просыпаясь.

– Не бойся, милая, – ласково проговорила женщина, – я не причиню тебе зла.

Лунный свет падал на плащ незнакомки, и Даре казалось, что в его лучах звезды светятся, словно живые, переливаются, медленно скользят по тонкой ткани, а сама ткань, словно дымка – дунет ветер и развеется, как туман.

– Кто вы?

– Меня зовут Ниимтахаринга. Ты можешь называть Ниим.

– Ниимтахаринга, – повторила девушка, затем перевела, – та, кто живет внутри гор.

– Ты делаешь успехи в арганском, – одобрительно кивнула незнакомка, – хотя ничего удивительного в этом нет. Вашему роду всегда легко давались языки. Нам пришла пора поговорить, Даринушка. Долго я ждала, не вмешивалась, не хотела пугать. Да, только, когда ты бежать вздумала, не могла не встретиться с тобой.

– Я все равно не вернусь, – девушка села, обняла колени руками, с вызовом посмотрела на гостью, – отправите в Арганию силой – опять убегу.

– Дитя, – капюшон качнулся, все так же оставаясь опущенным вниз, – глупое упрямое дитя!

– Пусть так, – Дара поджала губы, – но это мое право быть глупой и упрямой.

Темнота под капюшоном недовольно хмыкнула: «А вот дерзость – не лучшее качество, поверь мне, милая».

– Почему я не вижу вашего лица? – спросила Дара, не в силах оторвать взгляд от темного провала, скрытого под капюшоном. Женщина медленно подняла голову, и девушка

задохнулась от страха – ниже серебристой полоски края капюшона не было ничего – лишь тьма без проблеска света.

– Быть может потому, что ты сама этого не хочешь, – загадочно ответила темнота, – что ты знаешь о королях и королевах Аргании? – внезапно спросила она.

– Что они правили до недавнего времени, – пожала плечами Дара. Станный сон или явь – не лучшее время для экзамена по истории.

– Не просто правили. Дворец, в котором ты жила, построила прабабка принцессы Араэллы, а главный дворец создавали несколько поколений королей Аргании.

– Но как? – удивлённо воскликнула девушка.

– Особый дар, – пояснила Ниим, – подчинять камень, превращать его в послушную глину. Жаль, что этот дар ушел вместе с принцессой Араэллой.

– Почему тогда они отпустили её? – с недоумением спросила Дара.

– Никогда не знаешь заранее, кого одарят благосклонностью горы, на кого ляжет благодать Создателя. Иногда это дочь, иногда – сын, изредка внук или внучка. В те времена никто и не мог предположить, что дар наследует младшая Лэардан. У королевы было два старших сына – настоящие горцы, смелые, отважные, умные, а принцесса выросла избалованной, слабой, хоть и с добрым сердцем. Все ждали, что дар проснётся в одном из принцев, но он проснулся в принцессе, когда та погибала на границе моих гор.

– Она умерла, да? – не смогла удержаться от вопроса Дара, и только затем поняла, какую глупость сказала. Ведь она сама – потомок принцессы.

– Камни молчат о её судьбе, – тихо ответила Ниим, – но сегодня мы говорим о твоей.

– Я все равно не вернусь, – упрямо повторила Дара, – пусть хоть какой дар проснётся, мне нет места в Аргании.

– Ты уверена? – в голосе Ниим послышалась насмешка, – но прошло четыре месяца. Все это время они ждали, что ты проявишь хоть какой-то признак королевской крови, кроме упрямства, конечно же. Теперь вижу, что ждали напрасно. Ты настолько боишься, саму себя, что предпочитаешь убежать, чем остаться и разобраться во всем. Хорошо, я помогу тебе. Жаль, конечно, беднягу Пафнория. Ему была обещана смерть, когда последняя из рода Лэардан сядет на трон. А старик уже заждался, но придется ему еще подождать мои просьбы.

Теперь слушай внимательно, здесь в горах ты в безопасности. Я скрою тебя от тех, кто идет по следу. Но в Империи моей власти нет. Не хочешь, чтобы арганцы нашли и там, носи мой подарок. Я оставляю тебе один из своих камней. И еще, как бы трудно не пришлось – не продавай кинжал. Он тебе пригодится.

– Почему вы отпускаете меня?

Ниим помолчала. Тьма под капюшоном сгустилась сильнее.

– Я легко могу вернуть тебя обратно, но заставить принять трон – не в моей власти. К чему тогда принуждать жить в Аргании? Твоя судьба – в твоих руках. Выбор – вот тот дар, которым владеет каждый из людей, пусть этот выбор и может привести в гиблое болото. А теперь, спи. Завтра тебе понадобятся силы. Я поведу тебя кратчайшим путем и уже к вечеру выведу в Империю.

Утром Дара впервые проснулась с чувством уверенности в завтрашнем дне. Она пройдет эти безжизненные горы, выведет Илья, и они не подохнут здесь от голода среди серых равнодушных скал.

Взгляд девушки зацепился за камушек, лежащий рядом с ней на плаще. Сквозь дырочку был продет грубый шнурок, а сам он выглядел невзрачно – блекло-черный с белыми крапинками. Дара осторожно взяла его в руки. Но подарок вел себя прилично, словно обычная морская галька.

– Вот ты какой, мой защитник! – улыбнулась она и повесила камушек себе на шею. Хорошо, что тот невзрачен на вид, меньше бросаться в глаза будет. Она же возвращается в Империю, отвыкла поди уже от грабителей, воров и убийц.

Как ни странно, но на окраинах Империи жить было гораздо спокойнее, чем в центре. Народ сам заботился о себе и своих семьях. Про верховную власть здесь вспоминали лишь раз в году, когда платили налог императорским сборщиками, или когда появлялись рекрутеры, чтобы забрать молодых мужчин на очередную войну.

Чем ближе к столице, тем туже скручивались в клубок постоянные интриги знати, замешанные на вероломных заговорах, ответные репрессии короны, кратковременно прорежающие ряды зарвавшихся богатеев, наглые ходы алчущих власти новичков, тихое копошение вражеских агентов, а над всем этим вечное сияние золото, нужного всем и во все времена.

Здесь на дорогах лихие люди помогали расстаться с излишками денег, а местные бароны, да графья не спешили ловить воров на своих землях, предпочитая заниматься более полезными для собственного обогащения делами. Здесь в городах легко было пропасть или, поймав удачу за хвост, стать уважаемым и достойным человеком. Единственное, что было невозможно в Империи – разбогатеть честным путем.

На завтрак Дара выделила Ильку часть овса. Экономить больше не стала. Если на то будет воля Создателя, вечером она сможет покормить пегаса свежей травой.

Когда выходила из пещеры, провела рукой по стене и тут же отдернула – камень потеплел под ладонью или ей это только показалось? Нет, точно показалось, решила Дара и, отбросив страхи и сомнения, улыбнулась солнцу, скалам и голубому небу.

– Ильк, скоро мы будем дома, слышишь?

– Ка-ар? – насмешливо донеслось сверху. Над пещерой на большом камне гордо восседал черный ворон. Он, наклонив голову, внимательно изучал девушку. Затем перелетев чуть

далее по ущелью, огласил окрестности нетерпеливым карканьем.

– Ты наш проводник? – догадалась Дара.

– Кар-р-р, – подтвердил ворон и смешно встопорщил перья, отряхиваясь.

По сравнению с прошлым днем, этот переход показался Даре легкой прогулкой. Ильк бодро трусил сбоку от девушки, впереди черным комком перьев маячил ворон, дорога плавно шла вниз, все чаще попадались островки зелени – кусты или низкорослые деревья.

В мыслях Дара то и дело возвращалась к ночному разговору. Пусть она трусиха, пусть предпочитает сбежать, чем выяснять отношения, но это её жизнь, и загонять себя в дворцовые рамки Даре совсем не хочется. Ведь, если рассудить, зачем ей трон? Красоваться в нарядах? Зычным голосом командовать слугами? Перебирать по вечерам украшения в шкатулках или танцевать до упаду на балах? Заманчиво, да только Аргания – особая страна, здесь имперские замашки не пройдут. Сколько балов прошло за эти четыре месяца? Да, ни одного. Праздник начала лета и фестиваль огней – не в счет. Горцы предпочитали уличные карнавалы, развеселые спектакли и зажигательные пляски на улицах. И знать проводила праздники вместе со всеми.

Какой потрясающий фейерверк зажигали тогда на берегу моря! Разноцветные огни вспыхивали в ночном небе и всполохами отражались в темной воде.

Н-да, королева Аргании – смех, да и только. Как она может править, если всю жизнь провела в приюте для девочек, выходя за его стены лишь пару раз. Опыта никакого, образование – чужой страны и довольно посредственное. Как ни заманчива, но эта сказка не для неё. Она же не хочет постоянно ощущать себя полной неумехой, да еще ловить жалостливые взгляды, мол, бедная девочка, чем ей довелось зарабатывать себе на жизнь! Б-р-р, девушка брезгливо сморщилась. Увы, клеймо есть клеймо, оно на всю жизнь, даже если скрыто под одеждой, все равно доступно сплетням и домыслам.

В детстве Дара, как и все сироты, мечтала вырасти, заработать денег и отправиться на поиски родителей. Ведь не просто так её бросили на пороге приюта. Она не злилась на маму и отца, нет, просто верила, что те не могли поступить иначе. Видимо были серьезные причины оставить её одну.

Пусть эти надежды были наивными и глупыми, но Дара верила, что стоит начать поиски, она обязательно найдет маму, а может даже и отца. Это просто арганцам не везло, а ей обязательно повезет, ведь родные чувствуют друг друга, даже на расстоянии. Поэтому Даре никак нельзя оставаться в Аргании. Принцессу никогда не отпустят в Империю, даже на поиски родной мамы.

Ну, а дар... Ниим права, четыре месяца и ни намек. Так может, никакого дара в ней и нет. Не в каждом же поколении он просыпается. Ничего, переживут арганцы без новых дворцов. Научатся строить, как все – молотком и зубилом.

К вечеру они вышли из ущелья. Перед ними простиралась холмистая часть Империи, поросшая высокими хвойными лесами. Илья радостно набросился на траву, а девушка вздохнула с облегчением: «Дошли»!

Проводник, громко каркнув на прощанье, улетел обратно, а Дара, пересилив усталость, отправилась подыскивать ночлег.

Ночь она провела в корнях старой раскидистой сосны, а утром, подкрепившись лесными ягодами и остатками припасов, отправилась дальше. Одежду, которую носила в Аргании – кожаные штаны и юбку с разрезами до бедер, Дара сняла и убрала в мешок. Вместо этого надела простую темно-зеленую юбку и светлую блузку. Их специально берегла для Империи.

По дороге девушка собрала и остругала ровные палочки. Затем аккуратно развязала полосы на крыльях пегаса и заменила старые корявые палки, которые нашла в горах, на новые. Аккуратно забинтовала обратно, пустив на перевязку еще одну блузку. Ничего, ей и двух хватит. Правое крыло выглядело неплохо, и, похоже, обошлось сильными вывихами и растяжениями, а вот левое вызывало у девушки особое беспокойство. Переломов было несколько, непонятно еще, как они срастутся.

Довольно быстро они вышли на просёлочную дорогу. Дара прикрыла забинтованные крылья пегаса попоной, но, услышав стук копыт, они на всякий случай уходили в лес.

Первые две деревни Дара обошла по широкой дуге, решив не останавливаться в них. Третья им попалась ближе к вечеру.

Вначале, углубившись очередной раз в лес на отдых, они наткнулись на небольшую избушку, явно заброшенную. Домик стоял на симпатичной полянке, а сквозь редкий лесок виднелось поле, на краю которого торчала неубранная копна сена.

– Ильк! – Дара огляделась кругом, – неплохое жилье, как считаешь?

Пегас отреагировал на восторги хозяйки с равнодушием. Его больше волновала донимавшая муха, норовившая сесть на нос.

– Что, тяжело без крыльев, – посочувствовала ему Дара, отгоняя муху, – привыкай пока обходиться хвостом. Он у тебя вон какой длинный.

Пегас ответил недоуменным взглядом, но хвостом послушно взмахнул.

– Вот и ладно, – улыбнулась девушка, – пошли-ка, братец, устраиваться на ночлег.

Она притащила сено с соседнего поля. Бросила охапку в угол на земляной пол. Перед этим тщательно вымела избушку, прогнала из углов мелкую живность. Илька определила на другой половине.

Утром вывела пегаса пастись. Сама сбегала к ручью, который тек на краю поляны. Наполнила кожаный мешок до краев, растянула на трех колодах, чтобы коню было удобно

пить, поставила в избе. Нарвала охапку веток, добавила сена.

– Ну, милый, до вечера тебе хватит.

Ильк встревоженно заржал.

– Не переживай, я буду очень осторожна, и обязательно вернусь. Но мне нужна настоящая еда, я не могу, как ты, питаться травой.

Пегас тяжело вздохнул, положил голову на плечо. Дара потрепала его по гриве, затем отстранилась и, не оглядываясь, вышла на улицу, прикрыла дверь избы. На сердце сразу стало тяжело, но голова уже кружилась от голода – надо было выходить к людям, иначе ей не выжить.

До деревни оказалось минут двадцать ходу. «Домов восемьдесят, большая», – прикинула девушка. Значит, должен быть трактир.

Он обнаружился сразу же, с краю. Дорога в этом месте – довольно широкая и наезженная делала резкий поворот, словно убегала от деревни.

«Теперь понятно, почему трактир поставили не в центре, а на краю, – подумала Дара, – чтобы яркой вывеской, да вкусными ароматами заманивать проезжающих мимо путников».

Запахи действительно были одуряющими. Девушка аж покачнулась, когда на неё накатила волна ароматов. «М-м-м, жареная картошка, варёное мясо, печёные пирожки», – подсказывал желудок, активно бурча от голода.

– Доброго утречка, хозяевам! – шагнула внутрь.

– И тебе, дочка! Что желаешь? Позавтракать? Али что посытнее сделать? – дородный мужчина в ярко-красной рубахе стоял за стойкой, что-то записывая на листочке бумаги.

– Мне позавтракать, – кивнула Дара, не в силах сдержать-ся, – вот только заплатить нечем, – потупилась она, – может, найдётся какая работа для меня?

– Хм, работа, – протянул мужчина, оглядывая девушку придиричивым взглядом, – откель будешь и куда путь держишь?

– Отстала я от торгового каравана, по глупости задержалась, да в дороге все деньги просадила. Теперь вот восточку от родных получила, чтобы здесь дожидалась. Они меня заберут, как только смогут.

– Эх, молодость, молодость. Из торговых, значит, будешь. Что же, у отца других наследников нет?

– Нет, я единственная.

– Ну, тогда понятно, – повеселел хозяин, – повезло тебе, милая. Дочка у меня на той неделе замуж вышла, а без неё не справится. Обещала сестра племянницу мою прислать, да подзадержалась та с приездом. Можешь покуда вместо неё поработать. Как звать-то?

– Дара, – ответила девушка и лишь потом сообразила, что стоило назваться чужим именем, но от радости, что её взяли на работу, все умные мысли разом вылетели из головы.

Глава 6

Хозяин неторопливо выплыл из-за стойки. Солидных размеров живот был подпоясан широким поясом.

В Империи доходность трактира напрямую зависела от дородности его владельца. Народ рассуждал просто: какой же ты трактирщик, если даже себя накормить вкусно не можешь? Ну, а с хорошей еды, долго ли раздобреть?

Судя по внешнему виду хозяина, с доходностью у него все было в порядке. Звали его Фегдон, а его жену – приветливую женщину с длинными светлыми волосами, убранными в косы, закрученные вокруг головы Аннель.

Дару приняли хорошо. Трактирщику с женой действительно нужна была помощница, а кроме того положение дочери купца, за которую она себя выдала, было весьма выигрышным и пользовалось среди селян изрядным уважением. В Империи лишь две категории женщин имели относительную свободу: знать и наследницы торговых домов, при условии, что других наследников мужского пола у купца не было.

Купчихам не возбранялось в одиночку разъезжать по торговым делам, входить в питейные заведения, от них не требовалось выходить замуж. Многие из них заводили себе любовников, а затем не торопясь, выбирали среди них мужа, чтобы родить наследника или наследницу. Звонкая монета оплачивала любые их прегрешения и нарушения правил.

Дара не стала вдаваться в подробности своей мнимой жизни, да этого и не требовалось. Фегдон все придумал за неё.

– Значит, до Нижних Дубков на почтовой карете ехала, а сюда уже пешком прогулялась? – бормотал он, ведя её вглубь дома, – что же, дело молодое, можно и пешком, коли, денег нет. А что папенька у тебя строгий?

– Не, добрый, – мотнула головой Дара.

– Оно и видно, что добрый, – трактирщик кинул неодобрительный взгляд на девушку, – вроде взрослая уже, пора за ум браться, а все гуляешь, да деньги тратишь, вместо того, чтобы учиться их зарабатывать.

– Я стараюсь, – Дара потупилась, изображая сильное смущение, – оно само так вышло.

– Не оно, думается мне, а он, – усмехнулся Фегдон, – знамо дело – встретился, полюбился, наутро пригляделась и ужаснулась. Ну, да не мое это дело. Поживи покудова у нас. Заплачу немного, пару монет в день, зато едой не обижу. А вот и твоя комната, от дочки осталась, – он толкнул дверь, пропустил Дару вперед, – нравится?

– Очень! – чистосердечно призналась девушка. Здесь действительно было уютно – небольшая кровать, застеленная узорчатым покрывалом, кружевные занавески на окнах, пузатый сундук под окном, светло-бежевый стол в углу, над ним полка с книгами и сухие букетики цветов, развешенные по стенам.

Так и потекла её жизнь в Верхних Дубках. Вставляли здесь

поздно, так как до ночи работали. Дара помогала по хозяйству, убирала зал, мыла посуду, чистила овощи, возилась в огороде, кормила кур. Аннель готовила, а Фегдон либо принимал постояльцев, либо занимался делами. На помощь к нему приходил долговязый Дил, он ухаживал за скотиной и работал в огороде и саду.

Вечером в трактире становилосьлюдно. Сюда заворачивали после трудового дня мужья, стремясь вырваться из-под опеки жен хоть на пару часов, хаживали молодые парни, послушать разговоры стариков, поиграть в нойку, да выпить пару кружек сидра или хмельного меда.

Тогда для Дары наступала самая работа.

– Дочка, будь ласка, подлей в кружку меда.

– Неси еще сидра, красавица, а то горло пересохло.

– Чем нас сегодня побалуешь, милая, а то моя мегера такую дряннь вместо каши сварила, в рот не взять.

Крики доносились с разных концов зала, и Дара металась между столами и посетителями, торопясь успеть всюду. Терять эту работу ей было нельзя. Хоть и немного, но здесь ей заплатят. Будет на что жить, когда она отправит Ильяка домой.

Когда посетители переходили на горячительные напитки, шум в зале усиливался, а движения селян теряли прежнюю ровность, Фегдон выходил из-за стойки и начинал сам обслуживать гостей, отправляя Дару спать.

Девушка с облегчением шла в комнату, подальше от пот-

ных мужчин, начинающих распускать руки или пытающихся заплетающимся языком жаловаться на свою несчастную жизнь. Она еле волочила ноги от усталости, но мечта добраться и рухнуть на кровать оставалась пока лишь мечтой.

Тихонько, чтобы никто не заметил, Дара открывала окно и выскальзывала наружу. Еще днем она прятала в траве за сараем мешочек овса, немного яблок, хлеба и пару кусочков сахара.

Ильк встречал её приход радостным ржанием. Он уносился на прогулку, а Дара чистила пол в доме, наливала воды, насыпала овса и бросала охапку свежего сена. Потом садилась на пороге и засыпала, прислонившись к косяку. Пегас будил, когда над лесом уже вставала луна. Он тихонько тыкался теплым носом в лицо, сопел. От него пахло свежей травой и ночным лесом.

– Встаю, встаю, – бормотала Дара, но глаза никак не желали открываться, и все же надо было идти.

Она закрывала дом и возвращалась в трактир. Осторожно залезала в окно своей комнаты, стягивала платье, выданное ей хозяйкой (нечего свой наряд тут загаживать) и проваливалась в сон.

Беда пришла на пятый день. Дара давно заметила, что зачастила в трактир развеселая компания молодежи. Верховодил ею сын старосты – рябой вихрастый парень с узкими глазками и широкими плечами. От его наглых взглядов девушке становилось не по себе. Фегдон хмурился, но не про-

гонял, лишь предупредил Дару, чтобы держалась от дурней подальше, мол, не одну девку попортили.

Этот вечер в трактире выдался особенно оживлённым. С тракта прибыли несколько гостей: четверо всадников – молодые тасы отправились погулять в столицу, да мрачный одиночка, едущий по своим делам.

Дара носилась, не чуя под собой ног, а мысли невольно возвращались к Ильку – все ли с ним в порядке? Скорей бы хозяин отправил спать, скорей бы увидеть любимого пегаса.

– Эй, дочка, принеси нам лучшего вина!

Дара улыбнулась. Заезжие тасы решили гульнуть. Не знают глупые, что вино, купленное у купцов – жуткая кислятина. То ли дело, местная медовуха или сидр. Но заказ, есть заказ. Придется идти в дальнюю кладовку, под лестницу, где стоят бутылки с вином.

Приоткрыла дверь, шагнула в полумрак и тут же резко обернулась – за спиной стоял сын старосты, плотно прикрывая за собой дверь.

– Попалась, птичка! – радостно ощерился парень, делая к ней шаг.

В следующее мгновенье Дара оказалась крепко прижатой к стене, а мужские руки уже задирали подол платья.

– Отпусти, – рыпнулась она, – отпусти, а то Фегдона позову, он тебе быстро лишнее поотрывает, да из трактира выставит.

– Меня? – ухмыльнулся парень, отстраняясь, – я же лет

через десять деревню под свою власть возьму. Ему со мной ссорится не с руки. А тебе, Дарка, если трепыхаться не будешь, я подарок с ярмарки привезу.

– Не нужен мне твой подарок, – скривилась девушка, ощущая, как чужие руки скользят по коже, она упёрлась ладонями в мужскую грудь, стараясь отодвинуть от себя подальше, – последний раз прошу – отстань.

– И не подумаю, – сын старосты наклонился, вытягивая слюнявые губы, – здесь первый я всегда девок пробую.

– Не для тебя, девка, – прошипела Дара, с силой пихая парня в грудь, а затем, нанося тот самый удар, который ей показывала Милавка в веселом доме.

Била не жалея, от души. Потому что прав сын старосты, Фегдон ей не защитник. Ему трактир дороже пришедшей девчонки. Здесь она сама себе защита.

Парень хрюкнул, согнулся пополам, тихонько заскулил.

– Сунешься, еще раз получишь, – твердо проговорила Дара, прихватила с полки бутылку вина и с королевским достоинством вышла из темной кладовки.

Уже на пороге её догнал сдавленный шёпот: «Еще пожалеешь, дрянь». Сердце сжалось от тревоги, губы задрожали от обиды. Неужели, снова бежать в неизвестность? Нет, её так просто не испугать. Она же не простая девка, а из торговых, гостя. Не станет сын старосты рисковать и преследовать её в открытую. За такое и от своего отца по шее огрести можно. Он поступит хитрее, будет пытаться подкараулить тайно,

без свидетелей. И Даре нужно быть очень осторожной, что не попасть в его наглые руки. Второй раз ей не удастся заставить его врасплох.

– Дочка, с тобой все в порядке? – встревожился Фегдон, когда она вышла в зал и поставила бутылку на стойку, – уж больно ты бледная.

– Спасибо, дядя Фегдон, все в порядке. Просто устала сегодня.

– Ну, так иди, отдыхай, милая.

– А как же вы? – Дара обвела рукой переполненный зал.

– Справлюсь, не переживай. И вино им сам налью. Иди-иди, – он ласково подтолкнул девушку к двери, ведущей в хозяйскую половину дома.

Дара не возражала, ей требовалось время, чтобы прийти в себя. Да и какая из неё работница, когда руки трясутся, а в голове полный туман.

В комнате девушка задержалась, собирая приготовленные яблоки и хлеб. Прислушалась – из зала раздавалось громкое пение. «Никак до утра собрались веселиться», – хмыкнула она, открывая окно. Ночь встретила её прохладой и громким пением цикад. Вот и знакомая поляна. В этот раз Дара бежала почти всю дорогу, словно за ней кто-то гнался. Тревожное чувство не отпускало, заставляя оглядываться назад и шараться от каждой тени.

Лишь открыв дверь домика и ощутив горячее дыхание Ильяка на своем лице, девушка вздохнула с облегчением.

– Соскучился, милый? – она провела по гладкой шкуре рукой, потрепала по холке, – держи, я тебе булочку принесла с яблоками. Аннель сегодня спекла. Вкусная, пальчики оближешь.

Конь осторожно взял лакомство с ладони, шумно вздохнул и выразительно покосился на дверь.

– Беги, беги, – Дара посторонилась, – застоялся, поди.

За привычными делами тревога рассеялась сама собой. Закончив уборку и приготовив еду для Илька, она села на пороге. Над головой раскинулось ночное небо – глубокий бездонный колодец, дно которого усеяно блестящими точками. «Сколько же там миров? – думала Дара, глядя на россыпь перемигивающихся звезд, – и есть ли хоть в одном живая душа, которая сейчас так же смотрит на небо?»

Сон не шел, и она так и просидела до возвращения пегаса, разглядывая мерцающие узоры.

Трактир встретил её сиянием окон и шумными голосами. Кто-то тянул жалостливый мотив, сквозь который прорывался дружный гогот нескольких молодых глоток. Дара вздохнула – опять утром Фегдон встанет с головной болью. Но гостей не выгоняют, таков закон. Она бы лично их всех метлой вон. Сколько сидеть можно? Вон уже и луна встает.

Дара тихонько вернулась к себе, проверила засов на двери. Стянула платье и рухнула на кровать.

Разбудил её громкий стук в дверь.

– Открывай! – орали в коридоре. Дара насторожилась.

– Дара, открой, – а вот это уже голос Фегдона. Значит, действительно нужно открыть. Она натянула платье, сунула ноги в ботинки. Дернула засов. Дверь тут же распахнулась.

– Что, попалась, арганская ведьма! – здоровый кузнец, ухватил её за волосы и потащил вон из комнаты. «Прости», – догнал шёпот бледного Фегдона.

Её вытащили на крыльцо. Двор был ярко освещён зажжёнными факелами. Здесь собралась почти вся деревня, бросилось в глаза довольное лицо сына старосты, а в кругу людей скованный веревками – Дара испуганно вскрикнула – бил копытами и недовольно ржал черный пегас.

– Ильк, нет! – сквозь нахлынувшие слезы прошептала девушка, но её слышали.

– Узнала свою тварь, ведьма! – прорычали над ухом.

– Я не ведьма! – тонкий крик прорезал темноту. В ответ захохотали, засвистели, затопали. Толпа жаждала зрелищ, её не остановить простым криком.

– У меня вон коза сдохла две недели назад, – толстая баба шагнула вперед, подперев широкие бока кулаками, и с ненавистью уставилась на девушку, – ни с того, ни с чего, – добавила она, многозначительно оглядывая толпу. Та ответила одобрительными возгласами.

– Меня же здесь не было две недели назад, – растерянно проговорила Дара.

– Заранее наколдовала, – отрезала баба, – вон зверюга у тебя какая. Что же ты к ней по ночам бегаешь, как не колдо-

вать? Признавайся, тварь, на кого порчу навела?

– То-то я вчера чуть не помер, так голова болела, – прохрипел мужик с синюшным лицом, – здесь же пил.

«Пить меньше надо», – хотела ответить Дара, но сдержалась.

– Ведьма, ведьма арганская, – донеслось с разных концов двора, – что с ней возиться? Сжечь и все дела, а коню крылья отрезать и в стадо пустить.

– Он же погибнет, без крыльев-то, – беззвучно прошептала девушка, глотая слезы. Собственная, пусть и мучительная гибель её не так страшила, как осознание, что не сберегла Илька, не спасла.

– Со мной что хотите делайте, – с отчаяньем крикнула, – только коня не трогайте. Он ни в чем не виноват.

– Не виноват, не трогайте, – звериным эхом откликнулась толпа, захохотала, застонала на разные голоса. Дара обвела двор умоляющим взглядом, но взгляд натыкался лишь на перекосенные ненавистью рожи. Пламя факелов, бросая причудливые тени на лицо людей, только добавляло им нечеловеческой жестокости. В блеске десятка глаз читался приговор: «Смерть! Смерть!»

– Мне интересно, – спокойный мужской голос как-то разом перекрыл весь шум, – а сколько платит Имперская канцелярия за поимку арганского шпиона? – скучающим тоном осведомился незнакомец, входя на крыльцо.

Толпа затихла. В воздухе запахло деньгами. На лицах

отдельных селян начало проступать сомнение – сжечь или сдать? Одно сулило впечатлений на весь год, не меньше, второе – звонкую монету в кармане. Нет, хорошо бы и первое, и второе. Вот только за обугленный труп денег не дают, увы.

– Хм, семь или восемь монет? – размышлял мужчина вслух. Притихшая толпа, затаив дыхание, жадно внимала его голос, – и все-таки десять серебром, – решил он, наконец, а когда селяне шумно выдохнули, добил, – а, нет, ошибся, золотом. Точно золотом.

После этого во дворе надолго повисла полная тишина, что даже попрятавшиеся было цикады, решились подать свой тонкий голос.

Гигантская сумма награды медленно, но верно превращалась в умах людей из золотых кругляшков в купленную скотину, новые платья, обувь, выпивку, украшения, словом, во все то, что так привлекательно и совершенно необходимо для человеческого существования.

– Так..., это, – первым, как и полагается, выступил староста. Он щитом выдвинул Дару перед собой, словно, демонстрируя товар, – император-то где? А мы тута. Покудова доберёшься, да ведьму довезёшь, стока потратишь... А уж как боязно её тащить. Еще проклянет по дороге.

– Вот в этом, милейший, я могу вам подсобить, – усмехнулся незнакомец. Его лицо было наполовину скрыто капюшоном длинного плаща, и Дара видела лишь тонкую линию губ. Она напрягла память, пытаясь припомнить сегодняш-

ний ужин, но, кажется, и тогда этот гость прятался в самом темном углу, – не бесплатно, конечно же, – добавил он, и просветлевшее было лицо старосты, мигом, помрачнело. Терять хоть одну монету тот был не готов.

– Скажем, пять золотых монет серебром сейчас, – вкрадчивым тоном предложил мужчина, – и ваша проблема решена.

– Пять? – нахмурился староста с таким оскорблённым видом, словно его только что лишили последних штанов, – но, помилуйте, уважаемый тас, как можно требовать целых пять монет за доставку какой-то там хилой девчонки. Да, это же плёвое дело, не стоящее никаких усилий.

По мере того, как отчётливее вырисовывался для старосты вопрос потери половины награды, его речь становилась все более пылкой. Он даже шагнул вперед, деловито расправив плечи и выставив грудь.

– Ведьмы, милейший, – насмешливо поправил его мужчина, – а что касается, усилий, вы правы. Для Службы Закона и Порядка – это плёвое дело, – он распахнул плащ, доставая за цепочку блеснувший серебром медальон. Дара не успела его разглядеть, но для остальных он, видимо, был хорошо знаком.

Староста как-то неуловимо быстро снова очутился за спиной девушки, а во дворе воцарилась теперь уже зловещая тишина.

– И заметьте, я говорю пока только о награде, – с нажимом

произнёс незнакомец, – ведь вы сами в курсе о наказании за невыдачу шпиона властям?

Староста мелко закивал головой, словно, и в самом деле был в курсе.

– Итак..., – теперь в голосе законника явственно звучала угроза, – ведьма или шпион?

Дара даже не успела заметить, когда в его руке возник небольшой увесистый мешочек.

Незнакомец медленно потянул за шнурок, раскрывая края. Стоящие рядом с девушкой люди повытягивали шеи. Мужчина подбросил мешочек в руке, монеты призывно зазвенели. Толпа заворожённо вздохнула.

Староста, забыв про страх, шагнул вперед, протягивая руку, но служащий резким движением убрал ладонь из-под мешочка, и тот устремился к земле. Глава деревни бросился его ловить, но лишь усугубил положение, неловким взмахом отправив в полет.

Десятки глаз, не отрываясь, следили, как мешочек взлетает в воздух, раскрывается, и из него серебряными рыбками во все стороны порскают монеты.

– А-а-а! – отчаянно завопил староста, бросаясь в погоню.

– Ох! – охнули бабы, падая на колени, мужики рухнули молча, но не менее быстро.

– Твою мать, – выругался кузнец, отшвыривая свою пленницу и ступая с крыльца прямо на спины ползающих в пыли людей.

– Думаю, нам не стоит больше здесь задерживаться, – прошептали у Дары над ухом, а чья-то рука уже крепко сжимала её за локоть, – хотя зрелище, конечно, занятное, вот только, боюсь, не долгое. Ты сможешь позвать своего пегаса?

– Д-да, – выдавила Дара, не в силах прийти в себя после такой резкой смены событий.

Незнакомец призывно свистнул, из-за угла трактира вынырнул осёдланный конь.

– Тебе повезло, что я не успел уехать, – проговорил он, споро подсаживая Дару в седло, – хотя жаль было бы пропустить такой спектакль. А теперь держись.

Он двинул коня по краю двора к тому месту, где два молодца с тоскливым видом держали за верёвки Илька.

– Мешок, – крикнула Дара, указывая на одного из парней, – у него мой мешок на шее.

Сзади недовольно хмыкнули, но когда они вплотную подъехали к грабителю, служивый наклонился и, сделав страшное лицо, рявкнул: «Жить, хочешь?»

– А-а-а? – с глупым видом протянул парень, искренне недоумевая, откуда взялось острие меча в опасной близости от его шеи.

– Отдавай мешок! – грозно потребовала Дара, чем заработала недовольное «хм» от законника и тихое замечание: «Достаточно было, чтобы он просто отпустил пегаса».

Собственная храбрость пугала, но страх потерять кинжал, спрятанный в мешке, оказался сильнее.

– Нет, – нагло возразила она, – мешок тоже нужен.

На её счастье мужчина спорить не стал, а просто поддел лезвием веревку на шее парня и аккуратно подцепил мешок. Остолбеневший от неожиданности грабитель спорить не стал, лишь побледнел, когда лезвие прошло рядом с его ухом.

– А теперь исчез отсюда, – скомандовал законник, перехватывая веревку и перебрасывая мешок Даре. Он демонстративно повернул коня, наступая на парня, и тот шустро рванул прочь, лишь босые пятки засверкали.

– Зови своего зверя, – приказал законник, подъезжая к воротам.

– Ильк! – крикнула та, оборачиваясь, – Илькушка, милый, за мной!

Сзади раздалось громкое ржание. Пегас с такой силой мотнул головой в сторону последнего оставшегося охранника, что того впечатало в забор.

Вырвавшись на тракт, они сразу перешли в галоп. Законник плотнее придвинул к себе девушку, а она сама вцепилась в луку седла, чтобы не свалиться. Сбоку мелькали тёмные силуэты деревьев, впереди белел выползший из реки туман.

Дара напряжённо вслушивалась в звук скачки – не пропал ли двойной стук копыт, не отстал ли её питомец?

– И куда он так гонит? – раздраженно думала она, – Ведь Ильк еще не окреп после падения, да и рана на ноге, хоть и затянулась, но может снова закровоточить.

Она вытянула шею, обернувшись, попыталась разглядеть скачущего сзади пегаса. Видно было плохо – утренняя сырость только-только начала появляться на обочине дороге.

– Не вертись, – осадил её мужчина, – слежу я за ним, слежу. Не бойся, пегасы выносливые, ему такая скачка только в удовольствие.

– Он же раненый, – возразила Дара, – нельзя ли помедленней, – попросила она, сама поражаясь своей наглости.

Сначала мешок, теперь вот за пегаса просит. Нет, определённо близость смерти влияет на неё не лучшим образом. Страх исчезает, оставляя вместо себя отчаянную бесцеремонную браваду. Когда терять нечего, стоит ли думать о манерах? Вот и в веселом доме, и у графини она вела себя, словно дикий зверь, предпочитая смерть неволе.

– Нельзя, – помолчав, недовольным тоном ответил законник, – народ здесь слабо пуганный, и имперская Служба им не указ. Зато в чем не откажешь, так это в практичности. Сейчас взроют двор в поисках монет и будут думать, как им ведьму вернуть, да в моих карманах пошарить, может ещё что заваялось. По их разумению, не может человек последнее за такую пигалицу отдать. Нам важно оказаться как можно дальше от деревни, когда они договорятся, где нас перехватить.

– Неужели не побоятся?

– Места здесь глухие, император далеко, да и отряда стражи под рукой не наблюдается. Одиночка их не испугает. Да,

ты не бойся, бывал я в этих краях. Спрячемся, не найдут. Далеко заходить побоятся. Деревенские лишь рядом с домом храбрецы, а чуть отойдут в сторонку – и вся их смелость слетает шелухой.

Дара не выдержав, хихикнула.

– Что еще? – прорычали над ухом.

– Прости, – повинулась она, проклиная свою несдержанность, – мне казалось, что вы обычно не сбегаете, а наоборот, догоняете.

– Ишь, умная какая, – недовольно заметили, – считай, это стратегическим отступлением перед силами превосходящего противника.

Дальше скакали молча. Галоп малоподходящее занятие для разговора, зато прекрасно подходит для раздумий. И Даре было о чем поразмыслить. Про имперскую канцелярию ходило множество слухов, даже в их приюте взрослые тайком от детей обсуждали тех, кто ночью исчез из собственного дома. О том, что за бумажными делами скрывались дела кровавые, в Империи знали все. И не было страшнее проклятия: «Чтоб тебя в канцелярию забрали».

Спасение от костра заставляло девушку испытывать к законнику некую признательность, но его планы доставить «шпионку» в канцелярию вызывали панический ужас. Не пожалеет ли она потом, что избежала пусть и мучительной, но не долгой смерти на костре?

Дара еще несколько раз пыталась рассмотреть Ильяка, но

законник с такой силой прижимал к себе, что девушка не могла пошевелиться. Одна надежда оставалась на слух – стук копыт пегаса она слышала четко.

Через пару часов бешеной скачки они свернули в лес на еле заметную в рассветных сумерках тропинку. Здесь, к облегчению Дары, перешли на шаг. Затем вывернули на старый заброшенный тракт, густо заросший травой, но все еще достаточно удобный для езды. С него опять на тропинку, потом немного попетляли по лесу и, наконец, остановились на небольшой поляне, со всех сторон окружённой густым кустарником и деревьями.

– Вот здесь и передохнем, – объявил законник, спрыгивая с коня и снимая Дару. Та первым делом подбежала к пегасу. Ильк выглядел неплохо, но дышал тяжело.

– Держи, – мужчина бросил ей тряпку, – оботри, поводи по поляне, потом отведём к ручью.

Сам он занялся своим конём. Чёрная зверюга была немного меньше пегаса, и ей явно не нравилось соседство крылатого собрата. Конь злобно скалил зубы, бил копытом, стоило Ильку оказаться поблизости, но в открытую войну не вступал.

Расседлывать коня мужчина не стал, лишь тщательно обтер блестящую от пота шкуру, ослабил подпруги, проверил копыта. Работая, он скинул капюшон плаща. Дара скосила глаза, изучая внешность незнакомца. Лицо правильное, можно сказать приятное. Судя по загару, законник проводит

много времени в разъездах. Волосы коротко подстрижены и странного пепельного оттенка, но не седые, глаза серого стального цвета. Возраст она определить затруднялась, такой типаж после двадцати пяти не меняется до старости, лишь во взгляде прибавляется настороженности после очередного жизненного удара.

Иногда так бывает, глянешь на человека – обычная, нечем не примечательная внешность, а стоит заглянуть в глаза, да увидеть, как он двигается, сразу понимаешь – перед тобой хищник, и твою жизнь он оборвет с легкостью, если сочтет необходимым.

Вот и законник напоминал девушке матерого волка – сероглазая уверенность исполненная настороженности.

Закончив с Ильком и пустив его пастись, Дара, захватив мешок, отправилась в кусты переодеваться. Законник даже бровью не повел. Странно, так уверен, что она не сбежит? Подобное поведение настораживало. Но сбегать сейчас действительно не время, особенно когда на пятки наступают любители костров и зрелищ. Да и от такого законника еще попробуй убег.

Глава 7

Вернувшись на поляну, Дара застала вполне мирную картину – два коня паслись по разные стороны лужайки, а законник сидел между ними под развесистым дубом. В руках он держал кусок пирога, второй, завернутый в бумагу, лежал рядом.

– Иди сюда, перекусим, – махнул Даре рукой, – или шпионка предпочитает голодать?

– Я не шпионка, – вспыхнула девушка.

– Неужели? – сощурился законник, окинул Дару внимательным взглядом, потом кивнул каким-то своим мыслям, – знаешь, может ты и права, – произнес он, разглядывая лес за спиной у девушки, – настоящего шпиона не поймали бы простые селяне.

Дара замерла в растерянности, не зная, как реагировать – то ли радоваться, что с неё сняли обвинение в шпионаже, то ли обижаться, что обвинили в тупости.

– Меня зовут Тайл, – изобразил улыбку законник, – а тебя, моя пятимонетная не шпионка, я слышал, кличут Дарой.

– Да, – кивнула девушка, с осторожностью присаживаясь на траву рядом с мужчиной, – и что ты планируешь делать дальше? Я в том смысле, что ты не будешь меня теперь сдавать в канцелярию?

– Сдавать в канцелярию? – как-то неискренне удивился

Тайл, – с чего ты вообще взяла, что я собрался тебя туда отдавать? Ты мне обошлась в целых пять монет, и терять я их не намерен. – Но разве награда не десять? – непонимающе нахмурилась Дара.

Мужчина расхохотался.

– Откуда ты взялась, такая наивная? Словно галчонок, только что выпавший из гнезда. Все, на что я мог рассчитывать в канцелярии – это на «спасибо». Ну, а тебя ждало бы кое-что похуже. Конечно, шпионка ты никудышная, но своего шанса утереть нос арганским сволочам, они бы не упустили. Так что, галчонок, ждала бы тебя виселица или топор палача. Ну, а твой дружок, – он кивнул на пегаса, – украсил бы собой имперскую конюшню, жаль, что недолго. Эти красавцы не живут в неволе и без хозяина. Горцы – поганцы целый ритуал придумали, чтобы мы пегасов не воровали. Я видел на твоём запястье браслет с бусинками. Такие же вплетены в его гриву.

Давай, сделаем так. Ты сейчас, пока кони отдыхают, расскажешь мне свою историю, а я постараюсь тебе поверить, идёт?

– Идет! – кивнула Дара.

Она со вздохом начала рассказ. Начала с того, что её купила графиня Тао-Ресак. Про веселый дом говорить не стала, хватит того, что вся Аргания знает про её клеймо. При упоминании имени графини лицо Тайла помрачнело. Не рассказать о нападении Дара не могла – законник, наверняка, слы-

шал о нем. Лучший повод солгать – рассказать правду, просто не всю и не до конца. В пару слов уложилась об ограбление и про то, что арганцы пожалели избитую девушку и забрали с собой. Отвезли на окраину Империи, оставили лечиться в семье, жившей на удаленном хуторе. А спустя несколько месяцев ту семью переселили в Арганию. Вместе с ней забрали и Дару. Вот только не понравилось девушке в горном королевстве – чужое там все. Через две недели она попросилась обратно. Чтобы смогла добраться до дома, ей выдали пегаса, которого она должна была потом отпустить. Тот сам нашел бы дорогу назад.

– Вот только в горах мы попали в грозу, – всхлипнув, поведала Дара, – Ильк упал, сломал крылья и теперь не может вернуться в Арганию.

– Какая жалость, – удрученно кивнул Тайл, вот только в серых глазах не было ни намека на сочувствие, – Змея! – внезапно крикнул он, Дара подскочила, оглядывая траву, и только потом осознала, что Тайл произнес слово по-аргански.

Медленно села на место, сорвала травинку и начала меланхолично наматывать на палец, в ожидании приговора. Что нервничать, если все равно уже прокололась?

– Какие у тебя выдающиеся способности! – с издевкой проговорил Тайл. Дара вжала голову в плечи, – За две недели овладеть арганским – не каждому дано. Но мне все равно, сколько ты провела там времени и с кем и почему сбежала,

прихватив пегаса.

– Ты мне не веришь? – тихо спросила Дара, не поднимая глаз.

– Верю, что родом ты из Империи – говоришь без акцента, верю, что некоторое время жила в Аргании, выучила язык и, видимо, так пришлась по душе горцам, что они подарили тебе пегаса. Но меня это волнует в меньшей степени. Посуди сама, что с тебя взять? А я ведь уже потратил целых пять монет!

– Заработаю и отдам! – горячо воскликнула девушка.

– Чем же? – губы Тайла искривила наглая ухмылка, – впрочем, почему бы и нет. Некоторые любят темненьких, да и на лицо ты далеко не уродина.

– Нет! – Дара вскочила, – Я лучше полы мыть буду, детей нянчить, все что угодно, только не туда!

– И через сколько отдашь долг? Через десять или двадцать лет? Нет, милая, так долго ждать я не намерен. Но готов предложить сделку. Дело в том, что я планирую выгодно продать вот этого крылатого красавца, – и Тайл указал на пегаса, – но без тебя он не жилец. Я уверен, ты не сможешь провести нужный ритуал и запечатлеть его на другого хозяина. Можно сказать, тебе крупно повезло, когда решила украсть коняшку.

– Я его не крада! – отрезала Дара.

– Неужели? – брови Тайла поползли вверх, – и трясущиеся над женщинами арганцы отправили тебя домой через горы в

полном одиночестве?

Дара пристыженно замолчала. Возразить было нечего. Законник поухмылялся немного, затем посерьезнел.

– Ты пойдешь к пегасу бесплатным приложением. Работа неплохая, можно сказать, отличная. Покормить, почистить, погулять. Пару раз в неделю показать гостям, ну может покатать самых смелых и все!

– Но это же рабство для Илька! – воскликнула она с отчаяньем в голосе. Травинка порвалась в руках, на глаза набежали слезы.

– Тю, – протянул Тайл, подаваясь вперед, – какое это рабство? Разве за такие деньги рабов покупают? Да твой коняга королем на конюшне будет. Ему еще стойло серебром отделают. Ты посуди, кем он был в Аргании – одним из многих. А тут – **ЕДИНСТВЕННЫМ** в Империи! И хозяйка рядом. Красота! Я бы не раздумывая, согласился.

– А если нас найдут? – тихо спросила Дара.

– Так и покупатели не дураки, – понизив голос, ответил законник, – понимают, что к чему. Спрячут вас в дальнем поместье. Тебе же проще – меньше гостей, меньше хлопот.

– Я не могу, – выдохнула девушка, упорно пытаюсь найти выход. Как больно жжётся мысль о предательстве! Ильк ей доверился, а в итоге станет дорогой игрушкой какого-то богатея.

– Как хочешь, – процедил сквозь зубы законник, откидываясь назад, – у тебя, милая, есть всего три варианта: пойти

со мной, обещаю, что подберу лучших хозяев твоему крылатику, даже торопиться не буду. Либо отправиться в канцелярию, хоть благодарность за тебя получу. Ну а ты – топор или петлю на шею. Хотя, зачем тащить так далеко, когда и поближе есть желающие отправить арганскую ведьму на тот свет. Люблю смотреть на костер, а ты?

– Только со стороны, – огрызнулась Дара, с тоской понимая, что её загнали в угол. Так загнали, что и не дернешься.

Она усилием воли сдержала набежавшие слезы – ими горю не поможешь, прикусила губу. Есть ли выход? «Он есть всегда», – учила матушка, да только далеко отсюда наставница, не посоветоваться, не попросить о помощи.

Легко рассуждать о сложности выбора, когда он стоит перед другими, а если речь идет о собственной судьбе и дорогих тебе существах? Мысли сразу путаются, срываясь в панику. Картины гибели на костре, и тихой смерти бескрылого Илька упорно маячат, не давая сосредоточиться ни на чем ином. Канцелярия – далеко, и непонятно, что там ждет. Ясно одно – ничего хорошего. И так уж важно разнообразие способов смерти – петля или топор, если оба ведут за грань жизни. Но была еще одна причина согласиться на предложение законника. Он прав – империя не упустит случая насолить тем, кто многие годы нагло и бесцеремонно грабил богатеев, отправляя их при этом на тот свет. Даже если сам император не захочет осложнять отношения с горным соседом, ему просто не дадут замять это дело. Слишком многим

горцы наступили на хвост. Той же Службе Закона и Порядка все эти годы не удавалось взять ни одного арганца... живым, не говоря уже о том, чтобы вернуть похищенное или предотвратить нападение. А сиятельные тасы... Для них Аргания давно стала настолько ненавистным словом, что Дару просто разорвут на части, если она окажется у них в руках.

Словом, нет права у девушки попадать в канцелярию. Потому что это будет не просто предательство. Каким словом можно назвать поступок, приведший к войне? Несусветная глупость? Поразительная наивность или гордыня? Как ни назови, результат один – боль и смерть. Что будут чувствовать арганцы, когда узнают о её гибели? Хотя, скорее всего император попытается начать торг за жизнь девушки, а потом тихо придавит в камере, свалив убийство на какого-нибудь слугу. И нашим, и вашим.

– Я согласна, – тихо произнесла Дара.

– Умный галчонок, – довольно улыбнулся Тайл, – пойдем, посмотрим твоего пегаса. Нам же нужно как можно быстрее привести его в товарный вид.

Дара страдальчески поморщилась – слова законника неприятно царапнули душу, но она покорно встала и подошла к Ильку. Провела рукой по шелковистой шкуре, обняла за шею, прислонилась щекой к морде. «Прости, – прошептала еле слышно, – прости за всё. Я не должна была брать тебя с собой. Думала, справлюсь, но...», – слезы сами собой потекли из глаз. Ильк шумно вздохнул, провел носом по мок-

рой щеке, посмотрел на девушку внимательным взглядом, в котором читалось понимание, а еще любовь к своей, пусть непутевой, хозяйке.

– Так, что у нас тут? – законник бесцеремонно ухватил пегаса за крыло, ощупывая повязки, – сама накладывала?

И внезапно, ругаясь, отскочил в сторону.

– Ты, что творишь, скотина? Кусаться вздумал? – прорычал он, потирая плечо, – ну и характер – вылитый арганец.

– Ильк – хороший, – вступилась за питомца девушка, – просто не терпит грубости и хамства.

– Ишь, какой воспитанный, – скривился Тайл, – ладно, держи яблоко, кусака.

Но пегас от предложенного угощения отвернулся, пренебрежительно фыркнув.

– Во, наглец! – восхищенно проговорил законник, – даже взятку не берет. Ладно, отложим детальный осмотр. Все, что надо я увидел. Давно падали? – спросил он у Дары.

– Дней семь назад, – посчитала девушка.

– Хм, – задумался Тайл, – еще недели две, как минимум, на срастание костей, и неделю на разработку. У меня в детстве орел жил со сломанным крылом, так что опыт есть, не переживай. А повязки ты, молодец, хорошо наложила. Правое крыло меньше пострадало, можно через неделю попробовать бинты снять, а вот левое пока плоховато. Но ничего, вытянем. Он у нас обязательно полетит.

Дара невольно улыбнулась. Мысль о том, что пегас нико-

гда больше не поднимется в небо, все это время червячком грызла сердце.

– Вообще-то он сладкоежка, – сдала она питомца. Умелые движения законника вызывали доверие, и Дара хотелось верить, что Тайлу удастся поставить Илька на крыло. Пусть в неволе, пусть не на родине, но пегас сможет летать.

– Хм, – законник сходил к мешкам, пошарил там и достал кусочек сахара, – держи, чудо природы, – он протянул его пегасу, – и учти, это не подкуп, а просто знакомство.

– Бери, – шепнула Ильку девушка, – знаю, ему нельзя верить, но мы должны держаться вместе, пока ты не поправишься, а дальше видно будет.

И пегас послушно взял мягкими губами желтовато-белый кусочек сахара с ладони законника.

Кристан устало присел на камень, смахнул рукавом капельки пота, стекающие со лба, оглянулся – его товарищи с унылыми лицами рассаживались, кто куда, предпочитая оказаться в тени, а не под палящими лучами солнца.

Последний месяц лета – не лучшее время в горах. По ночам под одеяло пробирается холод, по утрам из-за туманов одежда становится сырой и влажной, а днем освещенные солнцем участки превращаются в настоящее пекло, и тогда в ущелье, кажется, даже камни излучают тепло.

Подошедший Эсар потряс остатками воды в кожаном мешке, вылил их себе на голову, встряхнулся.

– Ну и жара, – с тоской оглядел пышущие жаром скалы,

затем добавил, – бесполезно, командир. Мы ходим здесь уже два дня. После пещеры, где она ночевала, ни одного намека на след. Я сначала на прошедший дождь списывал, а теперь думаю, прикрыли её следы, или еще хуже – провели своим путем, а нас заставляют на пустом месте носом рыть. Уверен, наша птичка уже по Империи гуляет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.